

Виктор Точинов

СТАЯ

Пастъ

Виктор Точинов

Стая

«Точинов Виктор»

2007

Точинов В. П.

Стая / В. П. Точинов — «Точинов Виктор», 2007 — (Пасть)

Эти твари – крайне опасные, смертоносные, убивающие без раздумий, ибо не умеют мыслить. Убивающие всех, кто попадает на пути и способен послужить источником пищи. Твари, способные к мгновенной регенерации и оттого почти неуязвимые для обычного оружия... Твари, бывшие когда-то людьми. Ликантропы. Снова стремительные тени рассекают ночь. Снова льется кровь и гибнут люди. Последний раунд затянувшейся игры. Ставка одна – собственная жизнь. Трудно выиграть, трудно дожить до рассвета, когда по следу идет СТАЯ.

© Точинов В. П., 2007

© Точинов Виктор, 2007

Содержание

ЧЕРНО-БЕЛОЕ КИНО(пролог в эпизодах)	5
Эпизод – I Нефедовка, Красноярский край, 1946 год	5
Эпизод – II Сертолово, Ленинградская область, 1987 год	7
Эпизод – III Ладожское озеро, 2002 год	9
Часть первая	11
Глава первая. Охота среди деревьев и охота среди домов	11
1.	11
2.	13
3.	15
Глава вторая. Как умирает любовь	17
1.	17
2.	18
3.	20
Глава третья. Если у вас нету шефа, то вам его не потерять...	24
1.	24
2.	25
3.	29
Глава четвертая. Никогда не оставляйте за спиной недобитков	33
1.	33
2.	35
3.	37
Глава пятая. Недобитая лженаука генетика	41
1.	41
2.	44
3.	47
ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ – I[3]	49
1.	49
2.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виктор Точинов

СТАЯ (Пасть – 3)

ЧЕРНО-БЕЛОЕ КИНО(пролог в эпизодах)

Эпизод – I Нефедовка, Красноярский край, 1946 год

Второго такого подворья во всей Нефедовке не было – два вытянутых дома-близнеца, а между ними неширокий тенистый дворик. Посередине, укрытая от прямых солнечных лучей, протянулась грядка, усеянная шампиньонами, – длинная, очень высокая... Возле грядки стояла женщина.

Стояла долго – пришла сюда еще засветло, а стемнело уже давненько. Двор заливала мгла, в окнах – ни огонька. Лишь большие круглые шляпки грибов смутно белели во мраке, и женщине казалось отчего-то, что светятся они своим собственным слабым светом. Неприятным, мертвячим...

А может, и в самом деле светились. А может, и мертвячим... Что только не рассказывали – шепотом, на ухо, между своими – о делах, происходивших за высоким заплотом Ольховских... Вернее, Ольховской, – всем тут заправляла Бабонька, как звали ее в семье.

Женщина, статусей застывшая у гряды, в мыслях называла хозяйку подворья иначе: старой ведьмой. И не думала, что когда-нибудь придет сюда...

Однако пришла. Пришла и простояла несколько часов.

...Наконец прозвучал скрип – громко, протяжно. За раскрывшейся дверью – темнота, черный провал в никуда. Голос, казалось, принадлежал не человеку, не женщине, но сгустившейся мгле:

– Пришла? Чего надо-то?

Женщина попыталась что-то произнести, не получилось, со второй попытки выдавила одно лишь слово:

– Помоги...

– Чем ж я тебе помогу? – удивилась тьма. – Сама ж знаешь, и дитёв в школе учишь – в нау-у-у-уку верить надобно, а не бабкам-ведьмам... Вот в город и езжай, к дохтурам, на-у-у-ука тебе и поможет...

Женщина рухнула на колени. Резко, словно кто-то сзади рубанул по поджилкам. Потом не могла вспомнить: говорила ли она что-то еще, молила ли, объясняла ли, что доктора поставили не оставляющий надежды диагноз... Или просто молча стояла на коленях, умоляюще сложив у груди руки.

– Ладно уж... – смягчился голос. – Приноси... Отработаешь потом, отблаговаришь. А то: на-у-у-у-ука...

...Бабонька Ольховская никак не походила на традиционный образ старухи-ведьмы, на сгорбленное морщинистое создание с клюкой, – высокая, на удивление статная для своих лет... Не согнули ее ни годы, ни смерть мужа и обоих сыновей, – и, казалось, не согнет ничто и никогда.

Настасью-учительницу она в дом так и непустила – на пороге приняла из рук в руки исхудавшее, невесомое тело ребенка. Пускай сучка образованная там постоит, у грядки шампиньоновой, навозным духом подышит, – глядишь, и посвежеет в мозгах-то...

Освещения в комнате не было: ни лампы, электрической либо керосиновой, ни обыденной свечи, ни экзотической ныне лучины. Самую малость света давали угли, багровеющие

в маленькой круглой жаровне. В котелке, стоявшем над ней на треножнике, уже третий час медленно, лениво побулькивало какое-то варево...

Почти полная темнота ничем не мешала Бабоньке. Время от времени она подходила к прячущимся во мраке полкам, уверено доставала новые ингредиенты – из мешочков, баночек, коробочек... Что-то сразу отправляла в котелок, что-то предварительно долго измельчала в бронзовой ступке бронзовым же пестиком.

Во время одной из таких манипуляций из темноты донесся слабый стон. Подошла, не выпуская пестика, пощупала лоб щенку, лежащему на огромном сундуке, прислушалась к неровному, прерывистому дыханию. Ничего, не отходит пока... Сучье семя, оно живучее...

Долгие труды подошли к концу. Бабонька в последний раз помешала зелье, убрала котелок с треножника. Теперь самое главное... Подошла к стене, сняла икону – лик в темноте не разглядеть. Впрочем, и на свету мало что можно было бы рассмотреть на закопченной почерневшей доске.

Икона беззвучно – на манер шахматной доски – разделилась на две шарнирно соединенные половинки. Бабонька достала из тайника невеликого размера скляночку, откупорила – держа в вытянутых руках, подальше от себя. Затем окунула в склянку вязальную спицу, и тут же макнула ее в котелок с варевом. Достаточно... Стиснув щеки мальчика узловатыми сильными пальцами, вливала в рот ложку за ложкой, – он дергал головой, отплевывался, но что-то внутрь все-таки попадало. Оставшееся зелье слила в большую прямоугольную бутылку из толстого стекла – пусть уж дальше училка сама сына выхаживает...

Если бы Бабонька знала, или хотя бы на миг заподозрила, что пятнадцать лет спустя у спасенного Кольки, сына учительницы Настасьи Ростовцевой, закрутится любовь с ее внучкой Лизой Ольховской, то...

То она бы разбила ему голову тем самым бронзовым пестиком.

Не раздумывая.

Эпизод – II Сертолово, Ленинградская область, 1987 год

На шухере оставили Гуся. Здоровенный, толстый (редкое качество для детдомовца), а самое главное – трусоватый, внутри он был только помехой.

Макс подковырнул ножом шпингалет форточки, толкнул. Открылась внутрь с легким скрипом. Постояли, прислушиваясь. Тишина. Только поодаль, участка через три, побрехивала собака – лениво, не чуя их. Изнутри – ни звука. Все правильно, раз ни свет, ни синюшный экран телевизора в окнах не виднелись, – никого нет. И до выходных не будет.

Подтянувшись, Макс рыбкой нырнул в форточку. Невысокий для своих пятнадцати, худой, жилистый – эту часть операции он всегда брал на себя.

...В темноте с дверными замками мудрить не стал – распахнул обе створки окна, Дрон и Шмыга залезли внутрь. У Дрона имелся с собой фонарик, стекло заклеено изолентой – узкий лучик метался по комнате бессистемными прыжками.

– Нема ящика, кажись, – тихонько сказал Шмыга и хлопнул носом. Прозвищем своим он был обязан хроническому насморку.

На телевизор у них имелся заказ. Если здесь не найдется, придется лезть еще в одну халупу. Бывают такие жмоты, не желают покупать ящик для дачи, привозят с собой, когда выезжают надолго.

– Щас в другой комнатухе поищем, – вполголоса откликнулся Дрон. – А ты холодильник ошмонай, хавать охота, сил нет. Может, че оставили...

У Макса фонарика не было, он осматривал дальний угол, двигаясь вдоль стены и зажигая одну за другой спички. Ничего интересного. Посудная полка – дешевые фарфоровые тарелки, алюминиевые кружки. Рукомойник на стене, зеркало. Фотография за стеклом, в деревянной рамке. На фотографии люди в форме.

Свет вспыхнул.

На пороге стоял человек, одетый лишь в трусы и майку..

Макс к нему не приглядывался – прыжком рванул к окну. Столкнулся там с Дроном – тот уже протискивался наружу. Макс за ним.

Вопль. Макс, оседлавший подоконник, обернулся. Шмыга бился в руках неожиданно появившегося человека и истошно верещал. Макс спрыгнул обратно в комнату. Выдернул финку. Пускать в дело не собирался – припугнуть, взять на понт. Увидел: Шмыгу держит старик – седой ежик волос, морщинистое лицо. Ах ты, хрен трухлявый! Ну, щас получишь... Подскочил, размахнулся рукой с зажатым ножом – ударить не лезвием, просто кулаком, много ли старому надо..

Мир взорвался и почернел. А может, взорвалась голова Макса. И тоже провалилась в черноту. Не стало ничего.

...Он пришел в себя от тонкой струйки холодной воды, лившейся на лицо. Открыл глаза, через секунду все вспомнил, рывком поднялся с узкой, по-солдатски заправленной койки, – и тут же опустился обратно. Пол уходил из-под ног, как палуба попавшего в шторм корабля. Стены раскачивались, предметы плыли, теряли четкость очертаний. Голова болела.

– Полежи, полежи... Не стоит вставать. До утра полежать придется, самое меньшее.

Макс скосил глаза на голос (виски откликнулись болезненным спазмом). Говорил старик – сидел рядом, на табуретке. Правда, теперь он дряхлым пнем не казался, теперь Макс имел время оценить мускулы рук и груди, покрытой седыми волосами.

– Повезло тебе, парень, что я в последний момент удар сдержал. Я на такие вещи – на замах ножом – механически реагирую, не задумываясь. Привычка. Да видно староват стал, торможу... Но ты молодец, кореша не бросил...

Голос звучал благодушно. Макс расслабился. Бить больше не будет, ясное дело, сам небось испугался не меньше, что по мокрому пойти придется...

Вопрос прозвучал резко, как выстрел:

– Имя?!

Старик оказался на ногах, наклонился над Максом. Смотрел в глаза, колюче и страшно.

– М-максим...

– Детдомовский?! С летнего лагеря?!

– Д-да...

Старик сел, голос снова зажурчал ласковым весенним ручейком:

– А меня Федором Прокопьевичем кличут. Но ты можешь по-простому звать: товарищ прапорщик.

Про себя Макс так его потом и называл, все годы знакомства. Только без «товарища». Просто Прапорщик. С большой буквы.

Эпизод – III Ладожское озеро, 2002 год

...Вертолет летел над озером. В кабине два человека – двое уцелевших. Сзади, в грузопассажирском отсеке, – трофей, за который и свои, и чужие отдали сегодня немало жизней.

Миша-Медвежатник сидел за штурвалом – сосредоточенный, напряженный, управлять винтокрылыми машинами ему доводилось не часто. Числился он в группе вторым пилотом, но волею случая остался единственным.

Майор Лисовский – рядом, в кресле пилота-штурмана. Баюкал сломанную правую руку, затянутую в импровизированный лубок, смотрел на бесконечные ряды волн, куда-то и зачем-то катящихся. Глаза слезились – похоже, натер контактными линзами, надетыми перед операцией... Жить не хотелось. Умирать, впрочем, тоже.

Дверь, ведущая из кабины пилотов в грузопассажирский отсек, оставалась открытой, но они не оглядывались. И не увидели, как якобы убитая тварь приподняла голову...

Рычание перекрыло шум двигателей и ротора. Лисовский встал, обернулся. Увидел – зверюга поднялась. Стоит на трех лапах, четвертая болтается бессильно – перебитая, разможенная, из страшной раны торчат белые обломки кости. Шерсть слиплась кровавыми сосульками, кишки из разодранного взрывом гранаты брюха тянутся вниз... Морда тоже вся окровавлена, одного глаза нет – наполненная красным дыра...

– Ёпс... – изумленный выдох Миши в наушниках.

Черт побери! И добить-то нечем, в «беретте» ни одного патрона, а все запасные магазины майор отдал Надежде. Да и не рискнул бы он стрелять внутри вертолета – понятия не имел, где тут проходят кабели и шланги с маслом или топливом, где расположены аккумуляторы...

Миша поколдовал над пультом (включил автопилот, понял майор), встал, шагнул к перегородке – там, на стоящем боком кресле борттехника, лежал его автомат. Провод натянулся, наушники соскользнули с головы Медвежатника, и Лисовский показал жестами: не надо стрелять, запри дверь, мне одной рукой несподручно... Миша запер, покачал головой: ну и живучая... Вернулся за штурвал.

Не долетит, сдохнет по дороге, подумал про тварь Лисовский. Да оно и к лучшему, как-то не хочется путешествовать в обществе *такого* пассажира...

Действие анестетика заканчивалось, сломанная рука ныла все сильнее. Он достал из разгрузки шприц-тюбик. Неловко изогнувшись, сделал инъекцию. Подействовало быстро, боль ушла, мозг охватила сонная расслабленность. Майор, насколько смог, вытянулся в кресле, закрыл глаза. Скоро все закончится...

Кажется, он отключился. Может, всего лишь на несколько секунд, может на больший срок...

Грохот. Кресло содрогнулось. Майор вскочил, инстинктивно потянулся к оружию – забыв, что рука в лубке, а «беретта» разряжена. И лишь потом он *увидел*...

Перегородка вмята, покорежена – словно с той стороны в нее ударил крепостной таран. Дверь чудом держится на одной петле.

Новый удар. Дверь вваливается в кабину. Следом за ней влетает тварь – стремительный живой снаряд.

Дальше все мелькает обрывочными кадрами. Громадная туша на кресле первого пилота. Миша подмят, пытается что-то сделать. Резкое движение косматой башки. Струя крови. Приборы, ручки, тумблеры – залиты красным. Майор бьет ножом. Как, когда успел выхватить? Лезвие уходит в мохнатый бок. Глубоко, по самую рукоять. Оглушительный рев. Взмах лапы. Когти-кинжалы бороздят по приборной доске. Скрежет вспарываемого металла. Искры, треск замыканий.

Снова рев и снова взмах – майор куда-то летит. Хрустко ударяется спиной, но боли не чувствует. Видит: на груди лохмотья комбеза и разгрузки быстро намокают кровью. Автомат – Мишин, заряженный – откуда-то появился в руке.

Пасть – громадная, распахнутая. Совсем рядом. Между клыками – что-то красное. Кусок камуфляжной ткани, пропитавшийся кровью.

Автомат дергается в руке. Промануться невозможно. Пули бьют в морду, в распахнутую пасть.

Тварь обрушивается на Лисовского. По лицу течет горячее, липкое. Кровь... Своя? Чужая?

Тварь бьется в конвульсиях. Когти вспарывают майору бедро. Башка бьет по лицу – словно огромная обросшая шерстью кувалда. Темнота.

* * *

Темнота. Холод. Громкое журчание. Мокро... Тварь куда-то делась, не давит тушей. Надо выбираться... Он ползет к аварийному люку – на ощупь, вдоль внутренней обшивки. Потом почти плывет в прибывающей воде... Потом возится с ручкой запора... Потом яростный поток отшвыривает майора от люка.

Корпус вертолета заполняется водой. Наверху – воздушная пробка, но воздух быстро уходит.

Если не попадет с первого раза в люк, понимает майор, – он мертвец. Утопленник. Если попадет – все равно утопленник. Истекая кровью, рекордный заплыв по Ладоге не совершить... Побарахтается и утонет. Не стоит и дергаться...

Он ныряет...

...Винтокрылая машина, подняв облака ила, опускается на дно.

Живых внутри нет.

Часть первая

БОЛЬШАЯ ЗАЧИСТКА(ЛЕТО-ОСЕНЬ 2002 ГОДА)

Глава первая. Охота среди деревьев и охота среди домов

*– Слушай, а женщин мы тоже будем убивать?
– Если бы я был такой неуч, я бы лучше молчал. Убивать женщин!
С какой же стати?¹*

1.

Дорогу перекрыли грамотно: сразу за крутым поворотом. Не увидеть издалека, и не при- тормозить загодя, и не выйти на обочину, делая вид, что приспичило отлить... И не раство- риться бесследно в подступающем к дороге лесу.

Руслан сбросил скорость. Для принятия решения у него осталось несколько секунд...

Прорваться нечего и думать: одну полосу перекрывает ошестинившаяся острыми шты- рями лента «скорпиона», другую – стоящий поперек «Урал», время от времени отъезжающий в сторону, пропускающий уже проверенные машины. Чуть дальше – три зеленых армейских кунга, где наверняка хватает людей и стволов. И две легковушки, причем не чета его дранду- лету, – игра в догонялки бессмысленна. Да и какой резон рваться обратно в Канск, где навер- няка его уже старательно ищут... Съездил, называется, за деньгами.

Он выжал сцепление, дернул рычаг передачи. Затем резко вывернул руль, отпустив педаль сцепления...

Скрип, визг, скрежет... Казалось, ископаемый «четыреста двенадцатый» развалится на части, выполняя на мокром от дождя асфальте самый рискованный трюк за свою долгую автомобильную жизнь, – разворот почти на месте, в управляемом заносе, или, по-западному говоря, – в дрифте... Развалится, и Руслан останется на дороге посреди груды металлолома.

Не развалился, и не слетел с проезжей части, хоть был к тому весьма близок. Взревел двигателем, выбросил облако сизого и вонючего дыма, и понесся в обратном направлении.

Засада вновь исчезла за поворотом. Внутри Руслана словно бы тикал таймер, отсчитыва- ющий не секунды – события: сейчас они еще воображают, что, собственно, увидели... А сейчас уже сообразили, бросились к своим тачкам... А сейчас «Урал» медленно сползает с проезжей части...

Черт побери... Хоть бы подвернулась какая-нибудь уходящая в лес дорожка... А еще лучше – мечтать так уж мечтать – сразу две, направо и налево, пусть преследователи поломают голову, куда же свернул Руслан...

Мечты остались мечтами. Не то такой уж день неудачный выдался, не то охотники, выби- рая место для засады, предусмотрели и этот вариант.

Внутренний таймер прекратил отсчет и запиликал тревожным сигналом. Всё... «Вре́мен- ное и временное преимущество исчерпано...» – зачем-то мысленно скалambuрил Руслан. Вот- вот из-за поворота вывернут машины с мигалками и отрыв начнет сокращаться.

«Четыреста двенадцатый» вновь взвизгнул покрывками, хоть и не так яростно. Руслан выскочил, метнулся через дорогу, сбежал вниз по откосу насыпи... До деревьев – метров два-

¹ Все эпиграфы к главам взяты из романа Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна».

дцать. Надо успеть... Тогда незамысловатый трюк может сработать, погоня повернет в другую сторону, хотя бы ненадолго... Расчет на стереотипное мышление: машина у правой обочины – значит, и беглец побежал туда же.

Успел. Преследователи выскочили на прямой участок дороги, когда Руслан уже скрылся между сосен.

Лес тут был так себе – не амазонская сельва и не тропические джунгли. Даже и тайгой-то не назвать, не покривив душой, хоть дело происходило как раз в Сибири. Обычный пригородный лес, часто посещаемый и изрядно загаженный – то тут, то там на глаза попадаются следы людского присутствия – то пенек от срубленного дерева, то ножка от срезанного гриба, то раздавленный мухомор, то пустая сигаретная пачка, то еще какой-нибудь мусор.

«Но все-таки лес – скроет и от пешей погони, и от вертолета, если вдруг пошлют его по мою душеньку...» – думал на бегу Руслан.

Думал до тех пор, пока не услышал собачий лай – там, вдали, у оставленного на дороге «четыреста двенадцатого». В кунгах сидели не только люди, но и псы, два или три, как минимум...

Погано... Теперь погоню так просто с хвоста не страхнешь... Придется повозиться, а то и до пальбы дело дойдет...

Но откуда такая оперативность? Как сумели вычислить, что Руслан сунется именно в Канск? Или же во всех окрестных городках ожидает столь же теплая встреча? Хм-м... Что-то не верится, что господин Савельев сумел мобилизовать такие силы.

Не сбавляя темпа, он вынул из пачки несколько сигарет, раскрошил, просыпая табак себе под ноги. Таким примитивом погоню со следа не сбить, но какое-то время можно выиграть...

Но как все-таки погано... Руслан, решив совершить вылазку к банкомату, подозревал, что операция с банковским счетом не останется незамеченной. Допускал даже, что счет окажется заблокированным. Однако не предполагал, что чуть не угодит в столь оперативно расставленную ловушку... Как бы Наташа, не дождавшись его появления в условленный срок, не выкинула какую-нибудь глупость... И никак не предупредить, их последний мобильник остался как раз у нее.

Бежал Руслан почти бесшумно. Дождь, растянувшийся на двое минувших суток, хорошенько промочил лес: попадавшие под ноги влажные сучки не трещали, не хрустели – мягко пружинили.

Впереди и чуть левее раздался голос. Мужской, громкий. Руслан повернул туда, выдернув пистолет и стараясь ступать вовсе уж беззвучно. И через несколько секунд понял, что судьба сделала ему подарок.

Невысокий и толстый мужчина стоял спиной к Руслану, у ног – корзина, наполненная грибами. К уху толстяк прижимал сотовый телефон и от души драл глотку:

– Маша, ты где?! Ну что елочки, что елочки... Тут, на хрен, везде елочки!! Ты где, я тебя спрашиваю?!

За собственными воплями он не услышал приближение Руслана – и мгновением спустя ткнулся лицом в мох, так и не узнав, среди каких именно елочек заплутала Маша. Впрочем, ближайший час или два эта проблема незадачливого грибника волновать не будет...

Мародерствовать Руслан не стал – пробежался пальцами по клавишам, быстро сказал в трубку:

– У меня проблемы. Если через сутки не вернусь, отправляйся в Касеево сама. Но не раньше! Телефон отключи, немедленно. Всё, до связи, – он дал отбой, обнулil список последних звонков, обтер мобильник и засунул его в карман толстяка.

Жаль, конечно, оставлять телефон. Но коли уж пошла серьезная игра, стоит ожидать всего. Запеленговать сотовый с точностью до пяти метров легко и просто, если обладаешь соответствующей техникой... И надежней считать, что противник такой техникой обладает.

Вновь послышался лай. Как показалось Руслану – теперь несколько ближе... Он ускорил бег, забирая правее – судя по карте, неподалеку должна протекать крошечная лесная речушка... Надо отделаться от псов.

Стремительная тень вымахнула из кустов неожиданно, на спуск Руслан надавил с запозданием.

Выстрел!

Второй!

Третий!

Четвертый!

Он не промахнулся. Однако и клыкастая тварь не прервала свой прыжок, – и Руслан не устоял на ногах, упал...

Но клыки до его горла не добрались, четырех пуль оказалось достаточно – подыхала овчарка долго, скребла лапами по изломанному, окровавленному папоротнику, словно пытаясь подняться и броситься вслед врагу...

Руслан этого не видел, продолжил бег, ругая сам себя: мог бы и сообразить, что хорошо натасканные ищейки идут по следу молча, – значит, их специально заставили подать голос, отвлечь внимание от спущенной с поводка бестии.

А он своими выстрелами дал преследователям прекрасный пеленг... И остался почти без патронов.

Где же, черт побери, проклятая речонка?.. Он выскочил на поляну – обширную, заросшую цветущим иван-чаем.

И тут издалека послышалось стрекотание летящего над лесом вертолета.

2.

Это место – территория бывшего военного объекта, приспособленная впоследствии для иных целей, – неофициально, между своими, именовалось Логовом. Огромный участок обнесенного высоченным бетонным забором леса – местами соснового, мачтового, местами смешанного, низкорослого, прорезанного ползаросшими просеками, испещренного ямами и канавами. По лесу были разбросаны многочисленные здания и сооружения, частично заброшенные и демонтированные, частично функционирующие...

Вернее, функционировавшие до недавнего времени. Потому что сейчас Логово выглядело как логово. Как логово в прямом смысле слова, как логово дикого зверя после визита охотников, – причем охотников абсолютно отмороженных, не пожалевших бензина (а то даже напалма) и тротильных шашек, лишь бы выкурить зверя из убежища.

Все, что можно, сожжено и взорвано. Растерзанная взрывами земля, покореженный металл и железобетон руин. Техника – машины, вертолеты – превращенная в обугленные металлические скелеты. Изрядный участок горелого леса – огонь прошел низом, подлесок уничтожен полностью, превратился в пепел, но сосны с опаленной корой уцелели, задумчиво покачивают на ветру зелеными кронами, словно до сих пор дивятся неожиданно нагрянувшей беде...

А еще – трупы. Много трупов, несколько десятков... Большая их часть обнаружилась под обломками бывшего бомбоубежища, превратившегося в многоместный крематорий. Еще десятка полтора обугленных тел лежало в руинах бывшего штаба части (в нынешнем Логове здание выполняло те же примерно функции, и поиски в нем велись в первую очередь).

Попадались мертвецы и не обгоревшие, застигнутые смертью вне уничтоженных зданий. Некоторые застрелены, но другие...

Другие способны были надолго испортить сон и аппетит.

Раны нанесены явно чудовищными клыками; значительной части мышечной ткани не хватает – выгрызена. Не хватает и отдельных *фрагментов*: конечностей, у одного нет даже

головы... У другого голова наличествовала – но, почти отделенная, держалась лишь на тонкой полоске мышц и кожи...

Леонид Сергеевич Ивашов, более известный в своем кругу под прозвищем Мастер, не изощрялся в догадках на тему: что же за зверь или звери обошлись таким образом с его подчиненными?

И без того понятно... Твари, для опытов над которыми было создано в свое время Логово. Твари крайне опасные, смертоносные, убивающие без раздумий, ибо не умеют мыслить. Убивающие всех, кто попадает на пути и способен послужить источником пищи. Твари, способные к мгновенной регенерации и оттого почти неуязвимые для обычного оружия....

Твари, бывшие когда-то людьми.

Ликантропы.

Но что же здесь произошло? Отчего старательно подготовленный спектакль завершился столь неожиданным финалом? Ну никак не могла группа из шести диверсантов натворить таких дел... Ну, постреляли бы маленько, погеройствовали бы, с боем «захватили» бы заботливо подготовленную дезу – и доставили бы нанимателям, для коих, собственно, и затевалась вся инсценировка. Вроде все было просчитано филигранно...

Мастер ломал голову, не понимая, что подвела его случайность – однако же вполне закономерная. К иному результату и не могла привести ставка на отморозков, считающих выстрел в голову идеальным решением любых проблем.

Впрочем, их, отморозков в подчинении Ивашова почти не осталось. И человек, подошедший к Мастеру, созерцавшему натюрморт из выложенных на полянке трупов, подтвердил это лишний раз:

– Ахмед, – коротко сказал человек, продемонстрировав металлический жетон на цепочке, отчищенный от копоти. – Там, в виварии.

– Та-а-а-ак... Что со зверюшками?

– Четыре сгорели в клетках. Еще одну завалило в бомбоубежище. Долго барахталась, почти выбралась... Но все-таки сдохла. Жарковато там было. Даже для нее.

– Где остальные?

– Не знаю... Три клетки открыты. Значит, еще две зверюги или лежат под развалинами, или бегают где-то.

– Ищите, Мухомор, ищите. Носом землю ройте. Двух тварей ищите, и Деточкина. Не мог он никуда слинять, я с ним по рации говорил, когда *началось*.

Обладатель грибного прозвища вздохнул, стянул с головы зеленый платок-бандану, мокрый от пота. Скомкал, сунул в карман. Достал и повязал бандану новую, свежую – прекратив демонстрировать миру белые пятна ожогов, разбросанные по голому загорелому черепу. Вздохнул еще раз и отправился рыть носом землю. Ну, не совсем носом, – в его распоряжении имелся подъемный автокран и два бульдозера...

Старания Мухомора увенчались лишь частичным успехом. Под руинами удалось найти обгоревшую тушу одной твари. Еще одна бесследно исчезла. Номерной жетон Деточкина ни на одном из трупов так и не обнаружили.

Мастер, мрачный как грозовая туча, отправился к вертолету – сделать неутешительный доклад начальству. Вернулся быстро, и...

И, пожалуй, *таким* подчиненные его еще не видели... Казалось, Мастер только что умер, умер от солнечного удара или еще по какой-то причине, – и от вертолета движется его отчего-то сохранивший способность к передвижению труп.

Ходячий труп жестом поманил Мухомора в сторонку, словно бы желая сказать что-то, не предназначенное для посторонних ушей. Но очень долго не говорил ничего. Потом наконец выдал:

– Савельев убит. Застрелен. Ты понимаешь, что это значит? Хорошо понимаешь?

3.

Похоже, проблемы с животиком у Ксюшки благополучно завершились – спала спокойно, причмокивая во сне губами; Граев даже прекратил легонько покачивать коляску – чтобы не разбудить невзначай. Хотя, конечно, на сороковом году жизни опыт общения с младенцами он имел самый минимальный. Собственно, последними тремя месяцами тот опыт полностью и исчерпывался.

Наверное, он выглядел несколько смешно – почти двухметровый верзила с не улыбочным лицом, управляющий коляской легкомысленной расцветки, в которой посапывало очаровательное пухлощекое создание. Но Граев не привык задумываться о том, как он выглядит.

Наверное, он был счастлив... Счастлив от самого заурядного, казалось бы, дела: прогулки с женой и дочерью, совмещенной с посещением пары магазинов. Счастлив, как ни странно, от всех хлопот, навалившихся в последние три месяца: подгузники, детские болячки, бессонные ночи... Но и над этим Граев не задумывался.

Саша наконец вышла из универсама, первым делом заглянула в коляску.

– Ну как вы тут? Не просыпалась?

– Всё в порядке, – коротко проинформировал Граев.

Она нагнулась, уложила сумку с покупками в решетчатый поддон коляски (там уже красовался огромный пакет с подгузниками, всемирно прославленными телерекламой). Спросила:

– Ну что, к дому? Нагулял аппетит, наверное?

Граев и в самом деле проголодался. Да и вздремнуть после почти бессонной ночи не помешало бы. Но больно уж сладко Ксюша спала...

А ему, кстати, полезно немного попоститься – Саша готовит изумительно, и на семейных харчах Граев набрал несколько совершенно ненужных килограммов...

В общем, к дому они все-таки двинулись, – но самой кружной, дальней дорогой.

Молодая семья (определение это, скорее, относилось к женской составляющей семейства) ныне обитала на съемной квартире. Свою однокомнатную хрущевку Граев, не задумываясь, продал: тесновато, да и район отвратный, на самом краю промзоны – ни к чему младенцу дышать такой загазованной атмосферой. Сняли «двушку» в более благоприятном с точки зрения экологии месте; и Граев сейчас прикидывал, в какую строительную корпорацию имеет смысл внести первый взнос за квартиру в строящемся доме, чтобы не пополнить ряды обманутых дольщиков. Благо мог получить информацию, недоступную простым гражданам, – кое-какие связи в ГУВД у него остались, в том числе и среди борцов с экономической преступностью...

Сам же Граев возвращаться в уголовный розыск не стал, даже полностью вылечив руку. Хватит, набегался за гроши... Трудился он в «Бейкер-стрите» – в той самой охранно-розыскной конторе, где фиктивно числился и раньше, работая над делом Колыванова. Над делом, о котором и вспоминать-то не хотелось... Нынешняя служба тоже не мед, порой приходится крутиться как белка в колесе, но хотя бы платят соответственно. На квартплату и на взносы за новую квартиру вполне хватит. Ну и на подгузники, разумеется.

...Все на свете рано или поздно заканчивается – завершилась и их растянувшаяся прогулка (чему поспособствовал и начавший моросить дождик). Маршрут оказался длинным и замысловатым, но в конце концов привел под протяженную арку, соединявшую два смежных дома – иначе к жилищу Граевых было не пройти.

Под аркой стоял человек.

Не то чтобы у Граева имелось обыкновение пугаться личностей, встреченных в темных подъездах или в полутьме арок, но... Но он давно привык при таких встречах мгновенно *про-*

качивать незнакомца: кто такой, зачем тут маячит и чего можно от него ожидать. Очень полезная привычка – для всех, кто рассчитывает дожить до почтенных седин.

Ага... Кавалер, поджидающий девушку... Не из богатых: в руке букетик из трех скромненьких гвоздик, да и от дождя забился под арку, а не в собственную машину. Однако воспитан в старых понятиях: брючки наглажены, рубашка свеженькая, тщательно причесан...

В общем, ничего опасного, – вынес Граев вердикт после секундного наблюдения. И повернулся, чтобы помочь Саше: въезд под арку перегорожен решеткой, калитка в ней распахнута, но через высокий металлический порог коляску приходилось переносить вдвоем...

Это стало ошибкой.

Когда Граев развернулся, букет дешевых гвоздик валялся под ногами... В руке у «кавалера» был пистолет с длинным глушителем.

Чпок! Чпок! Чпок!

Наверное, киллер изумился: человек, которому полагалось корчиться в луже собственной крови в ожидании контрольного выстрела, – не корчился. Более того, оставался на ногах. Более того, приближался к стрелку – не прямо, рваным зигзагом, постоянно и мгновенно меняя направление и скорость. Казалось, промахнуться на таком расстоянии невозможно, – но все пули проходили мимо...

Чпок! – последняя пуля ушла вверх, обвалив здоровенный пласт штукатурки; Граев с хрустом, ломая пальцы, выдрал пистолет из руки, рубанул ладонью чуть выше уха киллера... И тут же обернулся: что с Ксюшей?! Что с Сашей?!

С дочерью было все в порядке – ни одна из пуль, даже рикошетных, не зацепила коляску. А Саша...

Саша медленно оползала по грязной стене – разрисованной, исписанной всякой похабщиной.

На белой блузке, слева, темнело крохотное пятнышко.

Глава вторая. Как умирает любовь

Я проскользнул к больному в комнату; думаю, если он не спит, нам с ним вместе надо бы придумать, как соврать половчее.

1.

Вновь начался дождь.

Барабанил в окно, стучал по крыше, и Наташе отчего-то казалось, что ничего отвратительнее звуков дождя она в жизни не слышала... И не видела ничего отвратительнее здешнего унылого пейзажа за окном...

И еще казалось – это навсегда.

Руслан никогда не вернется... Он не любит жаловаться на трудности и препоны, Наташа давно поняла, что они для него почти не существуют, и коли уж сказал: «У меня проблемы, могу не вернуться», – дело совсем плохо...

Его убьют, и она останется одна... Вернее, не одна... Но это еще хуже...

А дождь всю оставшуюся жизнь будет барабанил в окно – до того самого момента, когда она перестанет обманывать себя, перестанет на что-то надеяться, достанет пистолет, и...

Она достала пистолет.

Достала, хотя раньше предпочитала не притрагиваться без нужды к смертоносной игрушке. Знала, как обращаться, – Руслан настоял и научил – но не брала лишний раз в руки.

Теперь взяла.

Кто сказал, что оружие в руке придает уверенность? Может, кому-то и придает... Наташа же ощутила лишь болезненное любопытство: если заглянуть в дуло, будет ли виден металлический блеск пули?

Ничего... Бездонная чернота. Бездонная... Можно падать, и падать, и падать... Интересно, если нажать сейчас большим пальцем на спуск, успеет она увидеть ослепительную вспышку? Успеет понять, что происходит? Успеет почувствовать боль?

Из соседней комнатухи донесся стон, больше похожий на приглушенное рычание. Она вскочила, отложила пистолет, поспешила туда...

Одеяло сброшено на пол. Тело обнажено – тело, все еще похожее на человеческое... Встречаются, наверное, и такие люди – облепленные переразвитыми мускулами, с сильно выступающими челюстями...

Существо, не так давно звавшееся Андреем Николаевичем Ростовцевым, зашевелилось, вновь издало не то стон, не то рычание. Наташа торопливо взяла шприц-тюбик, лежавший на колченогой тумбочке, сдернула колпачок с иглы...

На бугрящейся мышцами руке должны бы были виднеться следы бесчисленных инъекций – но не виднелся ни один. Раны – и не только такие незначительные – заживали у существа необычайно быстро.

Укол подействовал почти мгновенно: тело вновь вытянулось неподвижно, стоны смолкли, слышалось лишь тяжелое ровное дыхание.

«Видит ли оно сны?» – подумала Наташа, даже в мыслях она не могла назвать *это* Андреем.

Вполне возможно, что видит, – жуткие сны, кровавые...

А ведь она любила *это* – совсем недавно... Смерть любимого, наверное, пережить легче. Потому что понимаешь: того, кто был тебе дорог, уже нет. Он остался лишь в твоей памяти. В могилу или в печь крематория отправляется не он – груда мертвой органики. Больно и страшно,

однако пережить можно. Но вот так... Андрей не умер, лежит перед ней, дышит... Только он уже не Андрей. *Нечто* чужое и чуждое, даже внешне едва похожее... *Нечто*, лишь бесчисленными инъекциями удерживаемое на самой грани превращения в дикого, опасного для окружающих зверя... *Нечто*, в редкие минуты бодрствования желающее лишь одного: жрать, жрать, жрать...

Она подняла с пола одеяло, вновь прикрыла существо... Вернулась в другую комнатку. Пистолет лежал на столе – тяжелый, матово поблескивающий. *Манил...*

Если Руслан не вернется... Если он не вернется...

Стук в дверь. Знакомый, условный...

Она замерла, не в силах поверить.

Потом метнулась к двери – и через несколько секунд уже рыдала на груди у Руслана... Говорила быстро, сбивчиво, перемежая речь всхлипываниями: о том, как она уже его похоронила, и о том, какие страшные мысли приходили ей при виде пистолета, и о том, что она не может, не может, не может больше быть рядом с ЭТИМ...

Он не знал, как и чем ее утешить. Не сообщением же, что кто-то – причем явно не господин Савельев – начал на них масштабную охоту?..

– Все будет в порядке, – сказал Руслан ровным тоном. – Мы выкарабкаемся. И вытянем его (*кивок на фанерную перегородку, капитальных стен внутри хибарки не было*). Не для того мы одолели такой путь, чтобы в самом конце прекратить барахтаться и пойти ко дну...

Руслан говорил долго и совершенно бездумно – самые затертые, тривиальные успокаивающие фразы. Он прекрасно знал, что слова сейчас – не главное. Сейчас важно говорить как можно больше, и всё равно что, лишь бы тон был ровный, успокаивающий...

Поддействовало. В очередной раз поддействовало. Всхлипывания прекратились. Слезы больше не катились по щекам.

– Хочешь, анекдот расскажу? – спросил Руслан четверть часа спустя, подкрепляя силы скудным ужином. – В очереди к банкомату услышал...

Она кивнула, хотя на самом деле не хотела. Абсолютно не хотела.

– Живут рядом два новых русских: Иванов и Рабинович. Ну и гнут понты, кто из них круче: если Иванов жене новую шубу купит, так и Рабинович тут же со своей благоверной в магазин спешит; у Рабиновича новый «мерс» появится – Иванов на другой день в автосалон... Вот Иванов и думает: дай-ка я его уем, такого уж точно не сделает... И денег не пожалел, к своему новому «мерину» из ближней церкви целую камарилью вызывал, освятить машину: певчие поют, дьяки курят ладан, попы святой водой брызжут. Фиг, дескать, повторишь, у вас такого не принято... Утром просыпается от скрежета. Глянул в окно: а вокруг тачки Рабиновича равнины собрались, Талмуд вслух читают, а один ножовкой самый кончик глушителя обрезает...

Наташа попыталась улыбнуться хоть какой-то, хоть самой вымученной улыбкой...

Не получилось.

2.

– Роман! Роман! – голос шел откуда-то извне, настойчиво пробивался, ломился в замкнутый мирок, в крохотный кокон, наполненный темнотой и болью.

И пробился.

Человек, лежавший на реанимационном столе, открыл глаза.

– Роман, вы меня узнаете?

Он не узнавал. Да и не мог узнать... Со зрением творилось нечто странное – как узнаешь мутное, расплывающееся пятно, из которого доносится голос?

Нет, не узнаю, хотел сказать он, – и не смог. Попытался покачать головой, но не был уверен, удалось ли ему простенькое движение... Однако Романа Лисовского это уже не заботило, он вновь начал соскальзывать в темноту и в боль...

Посетитель – высокий мужчина в белом халате, небрежно накинутом на дорогой костюм, – сказал, не оборачиваясь:

– Сделайте что-нибудь.

Слова прозвучали отнюдь не приказом, – расплывчатым и несколько равнодушным пожеланием. Но реакцию вызвали незамедлительную. Человек, заплативший *столько*, имеет право изъяслять свои желания в любой форме, как заблагорассудится, – немедленное выполнение обеспечено.

Лисовский почувствовал, как что-то знакомо кольнуло в руку, и еще раз, и еще, и еще... Отчего так много? – вяло удивился он. По телу растекалось что-то непонятное, незнакомое, по действию не похожее на прежние инъекции...

– Поспешите, это ненадолго, а повторить я...

– Выйдите, – посетитель все так же без нажима перебил речь человека в салатном медицинском костюме. – Выйдите все.

– Но...

Посетитель соизволил наконец повернуться к врачу, взглянул удивленно. И очень скоро остался наедине с забинтованным пациентом.

– Роман! Теперь вы меня узнаете?

Незнакомое ощущение достигло головы, мысли прояснились – и Лисовский узнал... Не лицо, по-прежнему остающееся смутным. Узнал голос – согласные в произносимых словах звучали мягко, что придавало словам некую задушевность... Именно так говорил человек, отправивший отставного майора-спецназовца Романа Лисовского в рейд к таинственному объекту, затерянному в безлюдных лесах на границе Ленинградской области и Карелии... В рейд, завершившийся здесь, в отделении реанимации...

– Вы можете вспомнить, что произошло? Вас подобрали рыбаки, чуть ли не на середине Ладожского озера. Нашлись свидетели падения вертолета... А объекта, к которому вы шли, – не осталось. Взорван, сожжен... Ваша группа даже при желании не сумела бы его уничтожить столь основательно. Предполагаю, что вы лишь спровоцировали включение системы самоуничтожения... Затем попытались вырваться из ловушки на захваченном вертолете... Так все было, Роман? Так?

Лисовский ничего не сказал. Но движение его головы можно было расценивать, как утвердительный кивок.

Всего произошедшего майор не мог восстановить в памяти... Перед мысленным взором вставали лишь отдельные картинки.

Бег по ночному лесу... Красные нити трассирующих пуль, прошивающие мглу... Охваченные пламенем здания... Трупы под ногами – изуродованные, страшно растерзанные... И твари, огромные мохнатые твари, свирепые, почти неуязвимые, неизвестно из какой преисподней вынырнувшие... Схватку с такой тварью – убитой, прихваченной в качестве трофея и внезапно ожившей на борту летящего над Ладогой вертолета, – майор помнил плохо. Но знал: они все же добились гадину, хоть и страшной ценой...

– Роман, меня интересует лишь одно: вам удалось что-то захватить? Документы, биоматериалы? Подопытных животных, хотя бы мертвых?

Посетитель не лгал. Ничто другое его и в самом деле не интересовало. Район падения винтокрылой машины определен более чем условно, и глубина в том районе колеблется от ста до двухсот пятидесяти метров, и возможностей для долгих поисков нет, – стоит лишь засветить свой интерес, и рано или поздно надо ждать появления конкурентов, причем обладающих куда

большими возможностями... Если уж рисковать, то оправданно, наверняка зная, что на дне Ладogi не лежит пустая скорлупа от ореха.

Посетитель не лгал. И надеялся, что Лисовский в его нынешнем состоянии тоже к лжи не способен. Да и нет у того оснований лгать: ясно же, что заказчики не расплатятся, пока не заполучат трофеи. Честно говоря, они, заказчики, платить не собирались в любом случае. Но Лисовскому об этом знать не положено...

Роман Лисовский многого не помнил... Но в память намертво впечаталась мысль, пришедшая в ходе операции: добычу отдавать нанимателям нельзя. Ни в коем случае... Он, майор, уже мертвец, реаниматоры зря хлопочут... Узнавших *столько* исполнителей жить не оставляют. Но если этот мужчина, мягко произносящий согласные, доберется до вертолета, трупов станет больше. Гораздо больше...

– Было что-то захвачено? – давил посетитель.

Лисовский покачал головой: не было. Хотел подтвердить словами: да какое там... всё, дескать, взорвалось-сгорело, сами-то едва ноги унесли... Хотел и не смог.

Но посетитель вполне удовлетворился отрицающим жестом. Чуть позже, прощаясь с врачом, поинтересовался: есть ли шанс, что больной заговорит? Завотделением пожал плечами: есть, почему ж не быть. Не ясно лишь, когда это произойдет: через неделю, через две, через месяц... Но никаких гарантий нет, летальный исход тоже вполне вероятен. Как маятник – и туда, и сюда качнуться может.

Посетитель слушал, поглядывал по сторонам, оценивал диспозицию: второй этаж, окна без сигнализации, отделение разделено на боксы прозрачными перегородками и насквозь просматривается с центрального поста, но ведь освещение может и погаснуть ненадолго, подобраться незаметно к дверце электрошита легче легкого... Потому что ситуация с вертолетом в чем-то повторяется и здесь: хоть глубины нет, но появление конкурентов вполне вероятно.

...Роман Лисовский умер той же ночью. След от инъекции, ставшей для него смертельной, обнаружить было бы трудно: подобных следов на теле хватало... Да никто и не пытался обнаружить.

3.

Граев потерял контроль над собой – в третий или четвертый раз за всю свою жизнь.

Когда способность воспринимать окружающий мир вернулась в полной мере, у ног лежал труп – череп разнесен вдребезги. В самом буквальном смысле – вдребезги. Трофейный пистолет валялся рядом с трупом – рукоять измарана липким и гадостным, лишившийся глушителя ствол погнут...

«Это ж надо умудриться – согнуть оружейную сталь...» – отрешенно подумал Граев.

Подумал единственно для того, чтобы не думать ни о чем ином. Потому что за спиной лежало другое мертвое тело, с крохотным пулевым отверстием в области сердца. Шальная пуля? Рикошет? Или первый выстрел был направлен все-таки в Сашу? Уже не важно...

Оборачиваться не хотелось... Граев медленно, один за другим, разжал пальцы... Глушитель падал, казалось, целую вечность... Наконец глухо звякнул о брусчатку...

Сзади раздался младенческий плач.

И все завертелось очень быстро.

Спустя минуту Граев уже взбегал по лестнице своего подъезда, прижимая к груди не перестававшую надрываться Ксюшу... Лифт здесь имелся и даже функционировал, но лучше уж потерять немного времени, чем увидеть направленные на тебя стволы, когда дверцы откроются... На лестнице есть хоть какое-то пространство для маневра.

Ну вот, накликал... На лестничной площадке между четвертым и пятым – за один пролет до квартиры Граева – мужчина. Лет тридцать, блондин, высокий... Говорит по сотовому... Нет, рация... Таких древних громоздких мобильных ныне днем с огнем не сыщешь.

Этот притворяться влюбленным кавалером не стал... Рация мгновенно исчезла в кармане, – а в появившейся оттуда руке был сжат нож.

«Почему не пистолет?» – мимолетно мелькнуло у Граева. Какая, впрочем, разница... Может, мужчина не позаботился установить на свою пушку столь полезное приспособление, как глушитель, – а шуметь в подъезде ему не хотелось. Но, скорее всего, он просто любил и умел работать ножом, – судя по оружию, и по тому, как блондин его держал: мягким хватом – тремя пальцами, относительно расслабленными, так что выбивающий удар окажется куда менее эффективным, чем при жесткой хватке... Да и само перышко интересное: короткая рукоять, лезвие тоже не длинное, обоюдоострое, в форме тополиного листа, и наверняка острое, как бритва, – колоть неудобно, а вот нанести несколько резаных ран и дожидаться, когда противник ослабеет от кровопотери, – самое милое дело...

Оценка ситуации заняла доли секунды – рука Граева метнулась под полу. Увы, пистолета у него не было, не носил вне службы... Вернее сказать, каталоги торгующих фирм именовали-таки выданный в агентстве двухзарядный «Стражник» пистолетом – травматическим и бесствольным. Ну так ведь и детский, пластмассовый, присосками стреляющий, – тоже якобы пистолет...

Противник, тем не менее, на рожон не полез – отступил на несколько шагов. Точнее, быстро поднялся на несколько ступенек лестницы. Логично... Пуля «Стражника» – резиновая, со стальным сердечником – на расстоянии в метр или два сработает не хуже кулака Майка Тайсона. И на большем сработает неплохо, – да только попасть в цель почти невозможно, рассеяние пуль чудовищное. Бесствольный, что вы хотите...

Нож блондин держал в отставленной руке – метнуть можно в любой момент. По всему судя, баланс у его перышка был неплохой...

Граев понял: немедленно пустить ему кровушку владелец ножа не стремится. Готов к тому, но не стремится. Наверняка видел в окне спешащего к подъезду Граева, вызвал по рации подмогу...

Один, без Ксюши на руках, Граев вступил бы в рукопашную не задумываясь, даже не доставая «Стражника»... Но положить ее на ступени нельзя, стоит на миг отвлечься – и от брошенного ножа не увернуться...

Граев двинулся вверх, не прямо – по сложной, ломаной траектории. Ксюша наконец замолчала – удивленно хлопала глазенками. Граев подумал, что все повторяется, как в дурном сне, – опять у него лишь одна пригодная к драке рука... А в другой то, до чего ни в коем случае не должно дотянуться лезвие ножа.

Блондин отступал, сохраняя дистанцию. И тут у него за спиной лязгнул замок. Дверь широко распахнулась. Блондин обернулся ненадолго, на долю секунды – но этого хватило. Граев рванулся вперед огромным, через несколько ступенек, прыжком.

Дважды грохнул «Стражник». Ксюша заплакала. Соседка напуганной ящеркой юркнула обратно за дверь. Вновь лязгнул замок – и, словно эхо, звякнул об пол нож.

Блондин прижимал обе ладони к лицу. Между пальцами обильно струилась кровь. Никак не должна была травмирующая пуля нанести такую рану... Неужели угодила прямоком в глаз?

Выяснять, так ли оно произошло на самом деле, Граев не стал – врезал по затылку блондина. Кастет из разряженного «Стражника» получается качественный, куда более эффективный, чем пистолет из заряженного...

Времени в обрез. Запереться, отсидеться, дожидаясь подмоги?.. Не вариант. Была бы хоть металлическая дверь, а так... Выход один: смываться как можно быстрее. И разбираться с проблемами, когда на руках уже не будет Ксюши.

Спустя две минуты Граев сбегал по лестнице – все-таки заскочил в квартиру, прихватил кое-что... Едва выбежал во двор, выяснилось: не стоило терять и этих двух минут. Снаружи, у перегородившей арку решетки, – визг тормозов. И не одна машина – две или три. Тут же захлопали дверцы.

Граев метнулся назад.

Милиция? Не смешите... А то Граев не знал родную контору. Даже «на мясо» никто так быстро не приедет. Разве что завалят очень уж большую шишку...

Топот под аркой. Громкий звук, в котором слились воедино глухой удар и металлическое дребезжание – полное впечатление, что кто-то с маху засандалил ногой по детской коляске, и она шмякнулась о стену. Уверенный, громкий голос: «Положил Клеста, сука... К нему, быстро! Далеко с отродьем не уйдет!»

Хорошо хоть Ксюша перестала плакать... Правильно, девочка, нам сейчас не до слез... Потерпи, малышка, скоро все закончится...

Он говорил эти слова мысленно, и подозревал, что сейчас и в самом деле все закончится. Двор – обширный, замкнутый, четырехугольный, насквозь просматриваемый, – превратился в ловушку, единственный выход – под аркой... Через несколько секунд капкан захлопнется. Три-четыре ствола в руках профессионалов – и танец под пулями уже не станцуешь. Граев скользнул в ближайшую парадную.

И первым делом увидел мужской силуэт на площадке первого этажа... Чуть не взвыл в полный голос, но тут же разглядел: на сей раз поджидают не его, и вообще никого не поджидают, на сей раз действительно случайная встреча...

Мужичонка весьма потрепанного и похмельного вида ковырялся ключом в замке, даже не обернув голову на хлопок двери подъезда. Мало ли кто тут шляется? – у него есть занятие поважнее, чем пялиться на всяких праздно или по делу шатающихся: из полиэтиленовой сумки, зажатой в руке мужичонки, торчали два бутылочных горлышка – наверняка дешевый портвейн, приличные напитки давно уже не закупоривают пластмассовыми пробками-колпачками. Натянувшийся полиэтилен четко обрисовывал контуры нескольких консервных банок.

– Мужик, помоги, – негромко сказал Граев, прикоснувшись к плечу любителя портвейна. – Мне надо уйти отсюда. Через твоё окно.

Сказал, почти уверенный: понимания его просьба не встретит. И придется аккуратненько *отключить* ханыгу, надеясь, что в квартире того поджидает не слишком многочисленная компания..

Однако мужик, как раз в тот момент завершивший возню с ключами, отреагировал нестандартно: обернулся, внимательно оглядел Граева и его ношу, расплылся вдруг в широкой улыбке.

– Ребятенка своего от сучки умыкнул?! Ну молодца... Уважаю!

И широко распахнул дверь.

Похоже, причаститься дарами Бахуса мужичок собирался в одиночестве. Ни шумной компании, ни одинокого собутыльника...

На редкость загаженная, заваленная объедками и пустыми бутылками холостяцкая квартира красноречиво свидетельствовала, каким занятиям ее хозяин посвящает все свое свободное время. Но Граев не присматривался, торопливо прошагал к окну. Рамы оказались заклеены – с прошлой зимы, а может и с позапрошлой, а может вообще с тех давних времен, когда у мужичонки была жена, но не было пристрастия к дешевому пойлу.

Полосы пожелтевшей бумаги разорвались с громким треском; Граев высунулся наружу, огляделся... Отлично – машины, остановившиеся возле арки, не видны из-за угла дома. Сообщить, каким путем мог бы уйти Граев, преследователи не успели... Даже обнаружить, что его нет в квартире, – скорее всего не успели. И никого не послали приглядеть за окнами этой стены.

Мужичонка стоял рядом, пыхтел, нерешительно переминался с ноги на ногу – словно собирался предложить тяпнуть на дорожку стакан портяшки, да пожалел столь ценный продукт... Наконец – Граев уже стоял на подоконнике – хозяин пробормотал:

– Ты эта... Ты алиментов еще у сучки отсуди, – во, бля, фокус будет!

– Отсужу, – пообещал Граев. – Бывай. Спасибо.

Спрыгнул, мягко спружинил ногами – Ксюша даже не вякнула.

Глава третья. Если у вас нету шефа, то вам его не потерять...

Ну что ж, тогда все в порядке. Идем прикончим его.

1.

Дождь продолжался и продолжался.

Руслан, просидевший половину дня в непривычном бездействии, медленно сатанел. И уже был вполне готов согласиться с Наташей: нет на свете ничего более отвратительного и более вызывающего мысли о суициде, чем звук дождевых капель, барабанищих по обтянутой рубероидом крыше...

Хотя... Пожалуй, есть еще более мерзкий звук. Есть... Когда те самые капли просачиваются сквозь прорехи рубероида, затем сквозь доски потолка, – и падают на пол. Вернее, сейчас, – в подставленные жестянки, постепенно наполняющиеся водой.

Кап-кап! – словно на выбритый затылок в старинной пытке... Кап-кап! – словно запущенный неведомо кем метроном ведет обратный отсчет твоей жизни... Кап-кап... Кап-кап... Кап-кап...

...Обитала их троица – Руслан, Наташа, и *нечто*, не так давно именовавшее себя Андреем Ростовцевым, – на заброшенной базе какой-то экспедиции. Может, раньше тут квартировали геологи, или геофизики, или кто-то еще... Неважно.

Важно, что место уединенное и безлюдное... Незванные пришельцы могут появиться лишь с одной стороны – подъехать по слабо накатанной лесной дороге. А путей отступления, если не желаешь дожидаться гостей, множество, – со всех сторон тайга.

Правда, в свете последних событий можно ожидать чего угодно, – прилетевших на вертолете визитеров, например. Сам Руслан, оказись он вдруг на месте искавших его людей, так бы и поступил: начал бы методично обшаривать с воздуха подобные местечки: пустующие охотничьи зимовья и стоянки рыбаков; вымершие, обезлюдившие деревушки и базы давно свернутых экспедиций...

Но подобный поиск, очевидно, будет вестись концентрическими, расширяющимися кругами. Причем стартовой точкой станет та, в которой преследователи потеряли Руслана. Запас времени есть... Да и не придумали пока бесшумно летающих вертолетов.

В общем, отсидеться можно. Беда в том, что отсиживаться нельзя.

Надо искать Эскулапа...

Но с этим возникли проблемы. Руслан поначалу их никак не ожидал: не может дилетант долго и успешно прятаться от профессионала. Тем более в местах глухих, где каждый чужак на виду, – однако именно в такие места тянет, как магнитом, неопытных людей, желающих затаиться... Человек же более-менее опытный знает, что лист надо прятать в лесу, – и ляжет на дно в большом, многомиллионном городе...

Однако Эскулап проявил невиданную прыть – для полного дилетанта, каким он являлся. Лихо оторвался от людей Германа в Красноярском академгородке, и, опережая их на темп, отправился в Нефедовку... Руслан вычислил без труда этот фортель беглого ученого, но лишь благодаря тому, что знал место рождения родителей Ростовцева – у Германа и его присных такой информации не было. На тот момент не было...

А вот дальше... Куда дальше отправился Эскулап – загадка природы. Судя по тому, как в Нефедовке он дотошно выспрашивал местных о судьбе всех внуков и внучек Бабоньки Ольховской, – стремился разыскать еще кого-то из ее потомков. В общем-то понятно, зачем: навер-

няка ищет следы гена, позволяющего делать ликантропию обратимым процессом, в идеале – произвольно обратимым.

Проблема в том, что внуков и внучек у Бабоньки народилось от двух сыновей не много, не мало, – восемь. Если отнять Елизавету, мать Андрея Ростовцева, – семь. И все разъехались по городам и весям бывшего Советского Союза, не ограничиваясь одной лишь Сибирью: еще и Москва, и Киев, и Воронеж, и даже Душанбе, – именно туда судьба занесла Елизавету Яновну Ольховскую, по мужу Сухотину, – кузину и тезку Елизаветы Владиславовны, матери Ростовцева...

Две «сибирских», не так далеко расположенных точки Руслан успел отработать – но не обнаружил никаких следов Эскулапа. Оставалась третья и последняя в здешних краях: Касеево, где жила Евстолия Яновна, – за потомков Яна Ольховского, по предположению Руслана, Эскулап должен был приняться во вторую очередь... Предположение не оправдалось, и в Касеево Руслан съездить не успел, – на их троицу началась облавная охота.

А гончей нелегко преследовать зайца, когда по пятам несется готовый вцепиться ей в плотку волк...

Руслан сидел, слушал мерзкий стук дождевых капель, задумчиво созерцал пепельницу, наполненную бычками, скуреными до самого конца, до фильтра, – сигаретами во время визита в Канск запастись не удалось, а после стало не до того.

Курить хотелось зверски... А думать о том, что произойдет, когда иссякнет запас препаратов, захваченный при налете на Лабораторию, – не хотелось абсолютно... А он иссякнет, причем куда быстрее, чем планировалось, – вводимые Ростовцеву дозы постоянно увеличиваются.

В своем организме Руслан пока никаких изменений не замечал... Но лишь пока. Насколько он знал, трехкратный прием штамма-52 (весьма ослабленного варианта «пятьдесят седьмого») шансов выжить не оставлял. Вопрос лишь в том, какой срок отпустит ему судьба: несколько месяцев? Год? Два? Едва ли больше...

Ростовцев – легок на помине – заворочался за стеной, испустил низкое, глухое рычание. Руслан взглянул на часы. Погано... Совсем погано.

Ну, допустим, отыщут они Эскулапа. Допустим, склонят к сотрудничеству, – убеждением или силой... И что? Только в фантастических романах гении-одиночки варят чудодейственные снадобья в кастрюльке, на кухонной плите, или собирают чудо-устройства в личных гаражах из подручных запчастей...

Возня в соседней комнатухе прекратилась, Наташа за последние недели неплохо освоила обязанности медсестры при странном пациенте.

Он услышал ее неуверенные шаги за спиной, но не обернулся. Она подошла, положила руки на плечи... Он не обернулся.

– Руслан... Я больше не могу так...

Он промолчал. Ждал, когда же Наташа сама первая скажет про единственный разумный выход из сложившейся ситуации....

Но она тоже молчала.

2.

Для серьезного разговора Мастер пригласил Мухомора за периметр Логова, на высокий обрывистый берег озера: протяженного, довольно узкого, но длинного, изогнутого наподобие кривого клинка – клыча или ятагана.

Карельская тайга изобилует такими водоемами с кристально прозрачной водой, и этот отличался от прочих разве что полнейшим безлюдьем, – ни единой рыбачьей лодки на водной глади, ни единой машины на берегах, никаких палаток или следов старых туристских стоянок.

...Мастер за минувшие три часа оправился от шока. Осмыслил последствия неожиданной смерти шефа, прикинул возможные перспективы...

Перспективы, если честно, хреновейшие.

Покойный господин Савельев не то планировал для себя личное бессмертие, не то ему было попросту наплевать, как пойдут дела в фармацевтической империи после смерти ее отца-основателя... Наследники имущества Савельева остались – несколько детей от нескольких бывших жен – но принимать их в расчет не стоит. Наследники есть – нет преемника, и нет продуманного механизма передачи ему власти. Значит, предстоит великая грызня стаи гиен за наследство сдохшего льва. И свои шансы в предстоящей схватке Мастер отнюдь не переоценивал.

На него многие влиятельные в «Фармтрейд-инкорпорейтед» люди посматривали косо. Да что там многие – практически все... Для них он был реликтом-отморозком, пережитком начала девяностых, когда признаком высшей крутизны бизнесмена считалось умение лихо перестрелять на стрелке коллег-конкурентов, а не способные к тому коммерсанты признавались за лохов, за баранов, которых надлежало неукоснительно стричь и доить...

Сейчас времена иные.

Битва за наследство г-на Савельева пройдет тихо, незаметно для публики – не станут взрываться «мерседесы» и грохотать автоматные очереди... Все произойдет куда как буднично и заурядно – тихие и мирные голосования акционеров, еще более тихие разговоры с людьми, занимающими не последние кабинеты в Смольном. А безутешные родственники должны быть счастливы, если получат дозволение поделить квартиры-тачки-шубы-побрякушки – к финансовым активам концерна никто их не подпустит.

А Мастер в намечавшийся расклад не вписывается. Вообще. Никак. Он мавр, уже сделавший свое дело, – грязное и кровавое.

Значит, будет убран с дороги быстро и решительно. Скорее всего, тоже без стрельбы и взрывов, достаточно натравить на него доблестных правоохранителей, – а те живенько найдут, за что зацепиться...

«Да уж, найдут, даже слишком глубоко рыть не придется...» – думал Мастер, прислушиваясь к рычанию бульдозера. Упомянутая машина заравнивала сейчас яму, куда вповалку были свалены трупы, собранные на территории Логова.

Козырь у Мастера остался один-единственный – «Проект-W».

Проект, поначалу – еще в советские времена – задуманный как средство получить неуязвимые и не нуждающиеся в оружии боевые единицы, способные действовать практически где угодно, в условиях чудовищной радиации, химического и бактериологического заражения местности.

Позже, в новые времена, когда к проекту подключились «ФТ-инк.», господин Савельев и его верный клеврет Мастер, о боевом применении речь уже не шла – намечался гигантский прорыв в медицине и фармакологии: сыворотки, получаемые из организмов вервольфов, использовались для работы над созданием лекарств, исцеляющих тяжелейшие раны и самые застарелые хвори...

Но и этот путь отнюдь не оказался усыпан розами. Чудодейственные снадобья обладали чудовищным побочным действием: мало радости успешно завершить курс лечения и получить на выходе здоровенький труп, или живое существо, уже мало напоминающее человека.

На последнем же этапе большая часть усилий посвящалась не исследованиям, но гашению источников утечки информации, да еще грызне со старой гвардией «Проекта-W» – с бывшими гэбэшниками...

И тем не менее проделанной работе и достигнутым результатам нет цены... Вернее сказать, цена появится, – и назначать ее будет Мастер. Если сейчас, в суматохе и неразберихе,

неизбежной после смерти Савельева, сумеет прибрать к рукам все, что уцелело после разгрома Логова и визита Руслана в Лабораторию.

«Проект-W» засекречен даже внутри «ФТ-инк.» – белохалатники в фармацевтических лабораториях концерна не имеют понятия, откуда поступают сыворотки и препараты для их опытов. И соратники г-на Савельева в совете директоров – не имеют. Без сомнения, этот вопрос их весьма заинтересует, но не сразу, сейчас на повестке дня более важные дела. Форса есть – и за этот срок необходимо собрать и сберечь все что можно. И найти покупателя – скорее всего, не здесь, за границей.

Причем надо проделать все не просто быстро, – молниеносно. Хапнуть, продать, исчезнуть. Или хотя бы хапнуть и исчезнуть, – тогда покупателей для сделки века можно будет подыскать не торопясь, не поря горячку.

План логичный и здравый – да только вот исполнителей для его осуществления у Мастера почти не осталось... Вернее, исполнители – боевики для силовых акций – есть, но нет людей, способных более-менее толково ими командовать... Полководец, по большому счету, должен сидеть в штабе над картой, а не поднимать роту в атаку.

А вот ротных-то командиров и нет...

Штырь погиб по собственной глупости во время приснопамятного налета на «Обитель Ольги-спасительницы», оказавшуюся замаскированным под монастырь публичным домом. Ахмед разделил судьбу прочих погибших в Логове... Мамонт сдуру подвернулся под пулю Руслана во время стычки в Лаборатории...

Остался один Мухомор.

Этого человека Мастер никогда не понимал до конца.

Если побуждения других подручных – полных, честно говоря, отморозков – были ясны и прозрачны, то Мухомор... Во-первых, отморозком его не назовешь, при всем желании, – в команде Мастера он славился более чем мягкими методами работы, почему и занимался делами, требующими наиболее деликатного подхода. Во-вторых, не гонялся столь откровенно за деньгами, как гонялись покойные Штырь с Ахмедом...

В любом случае Мухомор никогда не подводил, быстро и грамотно исполнял порученное. Мастер очень надеялся: не подведет и теперь.

Он начал разговор, обрисовав положение, в котором они не по своей воле очутились, причем несколько приукрасил картину: дескать, речь идет не о спасении шкуры, просто представился великолепный шанс обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь. Обеспечить именно им двоим, Мухомору и Мастеру, шестерки не в счет...

(На самом деле не в счет даже Мухомор, но ему про это знать пока не обязательно. Из школьного курса арифметики Мастер помнил твердо: при делении чего-либо наибольший результат получается, если за делитель принять единицу. А последующий жизненный опыт добавил еще один постулат: мертвец не проболтается.)

Далее – уже в приказном тоне – прозвучал незамысловатый план действий: быстро собрать все крохи, уцелевшие тут, в Логове, – и тотчас же, не откладывая, лететь в Питер. Сегодня же ночью вычистить под ноль главную площадку, функционирующую под крышей института растениеводства. Выпотрошить компьютеры, забрать реактивы, документы, приборы, и прочее, и прочее... Потом залечь с добычей на дно – затаиться в «Салюте». Благо про эту бывшую базу отдыха разорившейся фабрики (ныне превратившуюся в учебно-тренировочную площадку для головорезов Мастера) никто из верхушки «ФТ-инк.» не знает.

Ну а затем уж Мастер займется поиском покупателя – есть у него кое-какие выходы на зарубежных партнеров покойного господина Савельева. А дело Мухомора – продолжить тем временем со своими бойцами поиски сбежавшего Эскулапа, и, заодно уж, Деточкина, – похоже, тоже решившего податься в бега... Эти два специалиста – главный генератор научных идей и главный технар – могут оказаться неплохим довеском к выставленному на торги товару.

Затем, в свой черед, встанет последняя задача: обеспечение безопасности затеваемой сделки. Потому что за те деньги, что им надлежит запросить с покупателей, даже святой может оскорбиться...

– Вопросы есть? – привычной фразой завершил свою речь Мастер.

Мухомор долго молчал, задумчиво глядя на озеро и комкая в руках снятую с головы бандану. Наконец заговорил:

– Есть одна заকাвка... Сдается мне, что за бумажки да приборы много мы не получим. У них там что, своих микроскопов или термостатов нет? Есть. А отчеты лабораторные... Хрен ли им те отчеты? На бумаге написать что угодно можно. Штамм-то тютю... Сгорел весь к едрени матери. И ни одной живой зверюги не осталось... Видеозапись, что ли, прокрутим – какие, мол, они у нас были красивые да лихие? Так в Голливуде и не такое кино делают, не поверит никто... Из-за чего, извиняюсь, очко рвать? Попробовать разве что сблефовать? Выдать за «пятьдесят седьмой» хрень какую-то из аптечки?

Мухомор выдержал паузу, словно раздумывал о возможных последствиях рискованного блефа. И сделал вывод:

– Нет уж, я в такие игры не игрок. Всё, считайте, что закончился мой контракт. По форс-мажорным обстоятельствам.

Мастер, ожидавший подобных сомнений, хмыкнул. Не хотелось, но все-таки придется продемонстрировать козырную карту... Впрочем, ждать подвоха не стоит, самостоятельно подчиненному все равно не найти покупателей... Он наклонился к стоявшему у ног металлическому чемоданчику (Мухомор давно бросал на сей предмет недоуменные взгляды), повозился с кодовыми замками...

Внутренний объем оказался куда меньше, чем стоило ожидать по внешним габаритам, и Мухомор понял: чемоданчик не простой. Чем-то оборудован – или системой ликвидации, или устройством, поддерживающим заданную температуру... А может быть, тем и другим одновременно.

Потому что внутри, в выемках, проложенных чем-то мягким, лежали семь хорошо знакомых Мухомору контейнеров – стальных цилиндров со стальными же винтовыми крышками на мелкой резьбе. На боку каждого цилиндра нанесен знак: «биологическая опасность». На каждой крышке черной краской выведено число 57.

Он... Штамм-57... Главное богатство Лаборатории – штамм, превращающий человека в нечто ИНОЕ, как физически, так и психически... Штамм, считавшийся после недавних событий безвозвратно утерянным.

– Откуда?! – изумился Мухомор.

– От верблюда... Заначка. Моя, личная. На черный день. Лежала здесь, в тайничке, – системой уничтожения не оборудованном. У меня тут своя система, отдельная, – Мастер постукал пальцем по чемоданчику, – все тип-топ, чужим не достанется...

Крышка вновь опустилась, Мастер потянулся к замку...

– Мать твою! – тревожным голосом сказал Мухомор. – Принес черт туристов... Только вот их не хватало.

Мастер резко распрямился, оглянулся, не выпуская чемоданчика. Не увидел никаких туристов – ни на воде, ни на дальнем берегу. Недоуменно повернулся к собеседнику... И понял, что попался на дешевую, самую примитивнейшую уловку, – дуло пистолета почти упиралось в зеленый камуфляж Мастера.

Пуля ударила в грудь, отшвырнула назад, и он непременно свалился бы с обрыва, но Мухомор успел ухватиться за чемоданчик.

Мастеру казалось, что они стоят долго, бесконечно долго, вцепившись с двух сторон в бесценное хранилище «пятьдесят седьмого»... Еще ему казалось, что ранен он не так уж и серьезно, и что сейчас выхватит пистолет и всадит в подонка Мухомора всю обойму, и что

потом он крикнет, позовет на помощь, и помощь придет, и его перевяжут, остановят кровотечение... Правая рука Мастера отпустила чемоданчик, тянулась к кобуре и все никак не могла дотянуться...

На самом деле всё заняло пару секунд, не дольше. Сначала разжалась одна рука, затем вторая, затем Мастер тяжело рухнул с обрыва. Голова и верхняя часть туловища угодили в озеро, взметнув фонтан брызг и распугав стайку мальков, ноги остались на песке... В кристально прозрачной воде расплзлось облачко розовой мути.

Мухомор осторожно, буквально не дыша, опустил чемоданчик на траву. Поднял крышку, готовый в случае чего выхватить, спасти хотя бы один цилиндр... Не понадобилось, систему ликвидации бывший владелец задействовать не успел...

Спускаться вниз Мухомор не стал – тщательно прицелившись, прямо с обрыва сделал контрольный выстрел. Попал в голову с первой пули, стрелком он был неплохим... И не хуже Мастера знал простое арифметическое правило: наибольший результат при делении любой суммы получится, если делить ее на одного.

Леонид Сергеевич Ивашов, известный под прозвищем Мастер, не ошибался – самостоятельно Мухомор едва ли смог бы отыскать покупателей, хорошо представляющих ценность контейнеров с ампулами штамма-57, – и согласных заплатить соответствующую цену.

И тем не менее Мастер допустил-таки фатальную для себя ошибку... Мухомору не требовалось *искать* покупателей. Покупатели сами *нашли* его. По крайней мере он надеялся, что люди, вышедшие на контакт две недели назад, заплатят достаточно щедро.

Однако Мухомор не поспешил выйти на связь со своим конфидентом – мужчиной, очень мягко произносящим согласные звуки, отчего речь его приобретала некую задумчивость... В одном покойный Мастер был прав: к такой сделке надо подготовиться так, чтобы у покупателя не осталось иного выхода, кроме как честно расплатиться...

3.

Наверное, он выглядел сейчас еще смешнее, чем недавно с коляской возле универсама, – плечистый верзила с младенцем на руках, поднимающийся по эскалатору метро... Но Граеву было не до смеха.

Он напряженно прокачивал ситуацию, пытаясь понять: что же сегодня произошло. А самое главное: по какой причине?..

Нет, с технической точки зрения все ясно и понятно, весь план покушения...

Наверняка планировалось, что под аркой лягут два трупа – и Граев, и Саша. В противном случае киллеру не было никакого резона столь откровенно светиться перед потенциальной свидетельницей.

А блондин с ножом отнюдь не страховал стрелявшего (пистолет у него Граев так и не нашел, зато нащупал в кармане связку отмычек). Блондину надлежало попасть в квартиру – как только получит сигнал: хозяева уже не придут и ничем не помешают. Попасть, и?.. И что-то отыскать, что-то важное и ценное, отыскать быстро, до неизбежного появления стражей закона...

Но что, черт побери? Ради чего всё затевалось? Ради чего планировалось двойное убийство?

Версию о том, что причиной стала денежная заначка Граева, отложенная на покупку квартиры, внимания не заслуживает, – услуги команды профессионалов такого уровня стоят значительно дороже.

Граев мысленно перебрал все дела, коими приходилось заниматься в «Бейкер-стрит» в последние два месяца... Вроде бы ни одно из них не должно вызвать столь серьезную реакцию столь серьезных людей. Есть, конечно, шанс, что совершенно незначительное на первый взгляд

расследование затронуло интересы кого-то сильного и влиятельного... Да ну, ерунда... У сильных и влиятельных по определению хватает и силы, и влияния, чтобы надеть намордник, ошейник и короткий поводок на частно-розыскную контору. Правовое положение частных сыскарей в нашей стране настолько шаткое, что с влиятельными людьми тягаться нет никаких возможностей. В общем, не просматривается в нынешней службе Граева причин для стрельбы...

Предыдущие месяцы, проведенные на лечении в Швейцарии, тоже можно не принимать в расчет.

Значит...

Значит, остается лишь один вариант. Самый гнусный.

Год назад Граеву довелось столкнуться с людьми, решавшими все возникающие проблемы именно так: быстро и кроваво. С людьми, именовавшими свою организацию с демонстративным миролюбием: «Лаборатория генетического анализа ВИР».

Когда Граев слышал аббревиатуру ВИР, либо полное название: Всероссийский институт растениеводства, – у него сразу просыпались воспоминания детства. Глядя на этого мрачного верзилу, казалось почти невозможным представить его ребенком. Но факт остается фактом – детство у Граева было. Хотя рос он ребенком достаточно угрюмым и малословным, с крепкими кулаками.

...Ежегодного путешествия в ВИРовский питомник Пашка ждал каждую осень. Они с бабушкой Олей долго ехали автобусом, потом электричкой – не избалованный поездками, он не отлипал от окна; потом снова автобусом, медленно ползущим от одной придорожной деревушки к другой (а в них столько всего любопытного для городского мальчишки); потом толстая кондукторша с бренчащей медью сумкой громко объявляла: «ВИР!», – и они с бабушкой шли вдоль широченного и обрывистого (настоящий каньон!) оврага крохотной речки Поповки к питомнику. Потом – тот же путь в обратном порядке, и в автобусе такие же любители с саженцами, аккуратно завернутыми в тряпки и полиэтилен, вели с бабушкой Олей неторопливые разговоры о всяческих садоводческих премудростях, а Пашка вновь прилипал к окну, разглядывая уже другую сторону дороги...

Притаившаяся на тихой улочке Петроградской стороны Лаборатория генетического анализа Всероссийского института растениеводства не имела ничего общего, кроме названия, с памятными Граеву поездками в питомник.

Растениеводы там подобрались специфичные... Может, в свое время все и начиналось вполне мирно: с попыток скрестить сосну и яблоню, согласно заветам Мичурина и Лысенко, – Граев этого не знал. Знал лишь, чем закончилось дело: преуспевающий бизнесмен Михаил Колыванов, отравленный тайно вынесенным из стен Лаборатории препаратом, превратился в дикого зверя. Без каких-либо гипербол-метафор, в самом прямом смысле слова превратился, – и физически, и психически.

Факты, раскопанные Граевым в ходе расследования обстоятельств исчезновения бизнесмена, складывались в однозначную картину. Но Граев – убежденный, закоренелый материал – долго не мог в нее поверить... За сомнения и колебания пришлось заплатить немалую цену: погиб доктор Марин – блестящий судмедэксперт и старый приятель Граева. Погибли другие люди... Не от клыков Колыванова, превратившегося в кровожадную бестию, – от рук отморожков-«растениеводов», зачищавших следы.

Кончилась история тем, что Граев вычислил и застрелил главного отморозка, – обставив дело как самоубийство на почве ревности. Большого он не мог сделать, действуя в интересах вдовы человека-зверя, – долгий и отмеченный большой кровью путь бывшего бизнесмена завершился на пригородном пустыре; финальную точку поставил, как ни удивительно, лишившийся коровы старик со старым охотничьим ружьем, заряженным обрубками серебряной проволоки...

Никаких официальных заявлений Граев делать не стал, равно как и обращаться к бывшим сослуживцам по ГУВД с неофициальными просьбами...

Во-первых, понимал, что долго после того не заживется. Во-вторых, понимал и другое: случай с Колывановым, при всей своей трагичности, – все-таки накладка, нештатная ситуация. Мало ли какими не слишком аппетитными делами занимается засекреченная наука за глухими стенами своих лабораторий... Меньше знаешь – крепче спишь.

Казалось, что история на том завершилась. Но так лишь казалось...

Растениеводы, как выяснилось, ни о чем и ни о ком не забыли. Едва ли они догадывались обо всех результатах, которые сумел раскопать Граев. Иначе бы не затянули так с ликвидацией... И в Швейцарии бы до него добрались, не бином Ньютона.

Но сейчас, вполне возможно, началась большая зачистка. Зачищают тех, кто вертелся на периферии тайны, кто совал нос в ее отдельные кусочки, фрагменты... И вот тогда Граев наверняка в верхней части списка кандидатов на отстрел.

А блондину – любителю холодного оружия – наверняка предстояло проверить: не хранились ли, часом, на граевской квартире какие-нибудь материалы по делу Колыванова?

...Он вышел из павильона метро. Возле станции «Площадь Восстания», как обычно и бывает ранним вечером, роился народ. Но Граев – с его-то ростом и его ношей – не рассчитывал затеряться в толпе... Однако придется рисковать, иного выхода нет. Он осторожно переложил Ксюшу в другую руку (дочь, недавно опроставшая рожок с молочной смесью и переодетая в свежие подгузники, крепко спала), потянулся за сотовым телефоном...

Телефон пискнул. Любопытно... Та-а-а-к... СМС-сообщение, поступившее, пока Граев находился под землей, вне зоны приема. Еще любопытнее... Мобильный номер он обычно никому не сообщал, почти не допуская исключений из этого правила. Ни к чему... Оформлял на районной АТС дополнительную услугу – переадресацию вызовов с городского телефона в том случае, если никто не взял трубку. Но «эсэмэски» таким путем не доходят...

Номер отправителя не определен. Текст лаконичный, но, мягко выражаясь, не совсем вразумительный: **ТЕРМИНАТОР НАШЛИ В ПОЛДЕНЬ ГДЕ СБРОСЬ МОБИЛУ ЛЫСОГО.**

Подписи нет, да она и ни к чему: из шести человек, знавших прямой сотовый номер, лишь один иногда использовал в общении с Граевым старое, полузабытое прозвище Терминатор.

Мельничук...

Майор Мельничук... Хотя нет, теперь уже подполковник – Граев слышал краем уха: полгода назад старый знакомец получил вторую звезду на погоны.

Ясно одно: шутки ради такой текст Мельничук никогда не пришлет.

Поразмыслив, Граев пришел к выводу, что послание должно звучать примерно так: «Терминатор! Сбрось мобилу! В полдень, где нашли лысого».

Теперь несколько понятнее... Телефон, похоже, и в самом деле стал источником опасности... Откуда о том знает подполковник – вопрос отдельный. Но разбираться с ним стоит позже – в полдень, в назначенном месте. А пока стоит выполнить указание. Или...

Или попросту отключить, оставить в кармане на самый крайний случай? И позвонить, лишь когда станет уже не важно: подслушают ли тебя, запеленгуют ли...

После короткого раздумья Граев постановил: лучше до таких крайностей дело не доводить. А сотовый использовать по-другому, с куда большей выгодой...

Он разыграл небольшой мимический спектакль: имитировал звонок, не набрав последнюю цифру; подержал трубку возле уха, дал отбой, изобразив на лице недовольную мину... И сунул мобильник в карман брюк – очень неловко, якобы тому весьма мешала Ксюша...

Через пару шагов трубка выпала на газон. Место для инсценировки было выбрано с умом: так, чтобы упавший телефон оказался почти никому не виден, за исключением отиравшихся неподалеку трех граждан ханыжного облика, явно занятых сбором средств на приобретение бутылки...

Ан нет... Ханыги не разглядели выпавшего сотового – и выпавшего вместе с ним своего шанса без проблем раздобыть выпивку... Граев, якобы очень торопившийся к пешеходному переходу, увидел краем глаза: нагнулся за его потерей юноша вполне приличной наружности... Сейчас, чего доброго, окликнет, – и придется повторять спектакль в другом месте.

Обошлось, наружность оказалась обманчивой. Юноша торопливо пошагал совсем в другую сторону.

Отлично. Мобильник не из дешевых, и дальнейший алгоритм ясен: сейчас новый владелец поспешит уйти подальше от этого места, но не отключит аппарат, будет дожидаться звонка с предложением вознаграждения от потерявшего...

...Цель похода Граева располагалась в пяти автобусных остановках, но ни общественным транспортом, ни такси он не стал пользоваться, – отшагал весь путь размеренным твердым шагом. Причем дважды сворачивал в знакомые проходные дворы, проверялся... Хвост не обнаружился. Похоже, его и в самом деле *потеряли*.

Подъезд в старом доме. Консьерж покосился на Граева, но не стал интересоваться: «Куда? К кому?».

Широченная лестница поблескивала вмурованными латунными кольцами – когда-то в них вставлялись металлические прутья, прижимающие ковровую дорожку. Некогда здесь жили далеко не бедные люди... Потом в их апартаментах, поделенных на коммунальные клетушки, поселился совсем иной народ. Ныне всё вновь вернулось на круги своя: в выкупленных и капитально отремонтированных бывших коммуналках вновь живут богатые и преуспевающие новые хозяева жизни... И точь-в-точь как те, прежние, уверены: так всегда и будет...

Знакомая высоченная дверь. Кнопки звонка нет – бронзовая шишечка, вокруг надпись на круглой пластине, тоже бронзовой: ЗВОНОКЪ. Граев крутанул, за дверью что-то мелодично тренькнуло – может, и в самом деле антикварный колокольчик, или же электроника, имитирующая его звук... Чуть позже послышался женский голос:

– Кто?

– Свои! – ответил Граев. Не очень-то тактично ходить в гости без приглашения, даже без предупреждения, – но рисковать не стоило, и полчаса назад он повесил трубку телефона-автомата, едва лишь убедился: хозяйка дома.

Дверь распахнулась.

– Ох, Граев... – сказала Катя Колыванова. И сделала шаг назад, в полутьму прихожей.

– Познакомься, это Ксюша, – сказал он так, словно представлял двух дам на светском рауте. – Приютишь на ночь? Особо не затрудним. У нас всё с собой.

Свободной рукой он вынул из кармана пиджака и продемонстрировал Кате рожок с детским питанием и пару подгузников.

– Гра-а-а-ев... Ты неподражаем.

Глава четвертая. Никогда не оставляйте за спиной недобитков

А то еще наживешь хлопот с этой братией. Я на них наглядился досыта и больше не желал иметь с ними никакого дела.

1.

Две черты майора с немного смешной фамилией Белик издавна раздражали Генерала.

Во-первых, вызванный к начальству майор всегда усаживался на самый краешек стула, используя в качестве дополнительной опоры собственные согнутые ноги – словно в любой момент был готов вскочить и опрометью броситься выполнять начальственное указание, толком не дослушав... Либо собирался задать стрекоча, спасаясь от начальственного гнева.

Во-вторых, Белик всегда без исключений выглядел утомленным и не выспавшимся: словно майор, бегом отправившийся выполнять порученное, – едва оказавшись за пределами видимости, мигом забывая про начальство и проводил дни и особенно ночи за всевозможными нехорошими излишествами... В остальном Генерал не имел к майору Белику претензий. Подчиненные, вызывавшие нарекания и претензии, под командой у Генерала надолго не задерживались.

Но сегодня пресловутый сонный вид майора имел некоторые основания – в часовом поясе, где Белику довелось провести минувшую неделю, уже наступила глубокая ночь. Да и неуверенная поза вполне соответствовала содержанию доклада о событиях последних дней.

Впрочем, дослушивать до конца Генерал не стал.

– Меня мало интересует, – оборвал он подчиненного, – что именно вы делали. Список оперативно-розыскных мероприятий для подобных случаев я знаю назубок. Меня интересует совсем другое: увидеть Руслана. Вот здесь. На этом стуле.

Белик тяжело вздохнул: старались, дескать, как могли, но что же делать, если бывшего коллегу ну никак не удастся усадить на означенный предмет мебелировки...

Помолчали.

– Потери? – спросил после паузы Генерал.

– Два человека. Плюс собака. Плюс штатский под руку ему подвернулся, грибник, – схлопотал по затылку, но не сильно.

– Эти двое... Наши?

– Никак нет. ОМОН, прикомандированные. Как и все, получили приказ: брать только живым, даже по конечностям не стрелять. Но, похоже, парни решили не рисковать, сразу за пушки схватились. Ну и...

– Приказы надо выполнять, – с непонятым выражением лица прокомментировал Генерал. Белику почудился в его словах оттенок гордости за беглого подчиненного.

Генерал поинтересовался планом дальнейших действий. Белик перечислил всё, что уже делается, и всё, что запланировано на ближайшее время. Генерал слушал, кивал удовлетворенно: все спланировано по уму, исполнитель в очередной раз выбран толковый...

Потом на полуслове оборвал подчиненного:

– Не надо.

– Э-э-э... Извините, не понял... Не проводить лишь ориентировку участковых, или...

– Ничего не надо. Свернуть все мероприятия по Руслану, целиком и полностью.

На лице Белика читалось настолько искреннее недоумение, что Генерал (редкий случай!) объяснил:

– Не такой он парень, чтобы дать себя повязать сельскому участковому, согласен? И все кончится тем, что его просто-напросто пристрелят, без вариантов. Или, что еще хуже, пристрелят его спутника и компаньона... Будем считать, что Русланчик сейчас работает автономно, без связи с начальством... Все силы отныне – на поиск Эскулапа. Причем не исключено, что на этой дорожке мы как раз и столкнемся с Русланом... Тогда кто-то из наших – повторяю, *из наших* – приблизится к нему осторожно, и даст понять: я хочу с ним поговорить. Всего лишь поговорить...

Генерал замолчал, и молчал достаточно долго, – подчиненный позволил себе задать вопрос.

– Разрешите исполнять? – осторожно спросил Белик. И с тоской подумал, что поспать нынче так и не удастся: в Красноярске спецборт приземлится уже утром, а сон в самолете... В воздушных лайнерах засыпать майор не умел. Не получалось. Когда-то, очень давно, в разбившемся на подлете к Сочинскому аэропорту «Иле» погибла его родная тетка. И подсознательный страх перед полетами остался у Белика на всю жизнь. Летал, куда денешься, но вот спать как-то не получалось...

– Не спеши, – сказал Генерал. – С вылетом не спеши... Отправляйся сейчас к радистам, доведи до своих: по Руслану – отбой! А потом вместе займемся главной площадкой... Есть вероятность, что в ближайшие день-два туда могут пожаловать гости.

– ???

– Савельевские недобитки. Ивашов, сиречь Мастер, отморожен по самое дальше некуда. И может попытаться повторить трюк Руслана трехнедельной давности... Если, конечно, еще не осознал, против кого теперь играет. Если осознал, то не сунется. Но мы в любом случае подстрахуемся.

Генерал не стал добавлять: если ловушка, настроенная на «савельевских недобитков», не сработает, – в ближайшие дни начнется демонтаж площадки, слишком уж засветилась в последнее время лаборатория растениеводов... Проще возродить Лабораторию на новом месте и под новой крышей.

Белик ушел к радистам. Генерал остался один.

Поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее, – новое, непривычное... Да и сам кабинет новый, непривычный... А если честно, то и от того, что приходилось делать в новом кабинете, Генерал успел отвыкнуть...

Десять лет он считал «Проект-W» своей феодальной вотчиной... Вотчиной, которую Генерал тихо и незаметно, без залоговых аукционов, *приватизировал* в сумятице реорганизаций, переименований и дроблений – охвативших Контору после недоброй памяти девяносто первого года... Считалось (среди очень узкого круга посвященных): все работы по проекту, что велись на затерянном в лесотундре полигоне, – свернуты, и тема навсегда закрыта... И все запасы биоматериалов уничтожены.

В Конторе в былые годы служили всего два человека, сидевшие выше Генерала и знавшие, чем на самом деле занимается Лаборатория генетического анализа ВИР. Знавшие, разумеется, неофициально. Визирующие липовые планы и отчеты по относительно безобидным исследованиям, – но всегда готовые принять участие в дележе дивидендов, кои должна принести главная, скрытая от всех тема...

Потом одного из тех двоих не стало, а второй навязал пакт с «ФТ-инк.», против чего решительно возражал Генерал... И все пошло наперекосяк.

А теперь... Теперь пришлось вернуться под государеву руку. Выбор был невелик: оставить все наработки банде Савельева и провести остаток жизни в бегах, или... Генерал выбрал «или».

...Ожидание на главной площадке оказалось напрасным. Генерал не знал, что во главе «савельевских недобитков» неожиданно-негаданно оказался Мухомор, по части отмороженности

далеко уступавший покойному Мастеру. Владелец грибного прозвища решил не искушать судьбу. На базу «Салют» были доставлены все уцелевшие материалы, собранные в уничтоженном Логове, – вплоть до самого последнего клочка обгоревшей бумаги. Плюс главное богатство, главный товар для запланированной сделки, – контейнеры со штаммом-57.

2.

Квартира была роскошная...

Выкупив и выменяв у владельцев комнат коммуналку на Суворовском, покойный бизнесмен Колыванов не стал увлекаться модными евроремонтами. Постарался восстановить апартаменты так, как выглядели они в начале века, до всевозможных вселений и уплотнений: старинная мебель, кропотливо подобранная в комиссионках и антикварных салонах, предметы обихода и всевозможные создающие уют безделушки – из той же эпохи, никаких новоделов...

Причем выглядело все не собранным с бору по сосенке – создавалось полное, но прерванное впечатление, что семья Колывановых жила тут безвыездно лет сто, не меньше.

– Значит, все с начала... – негромко сказала Катя.

Граев молча кивнул.

Они сидели в знакомой комнате, при неярком свете бра. Ксюша мирно спала здесь же – на небольшом изящном диванчике с ажурно-выгнутыми ножками, сделанном в те времена, когда использовать стоящую в гостиной мебель в спальнях целях никому не приходило в голову. Однако детской кровати у Кати не имелось – пришлось соорудить импровизированную замену, поставив вплотную к диванчику три стула из того же мебельного гарнитура: так, чтобы их спинки образовали некое подобие загородки...

– Насколько я понимаю, – продолжила Катя, – коли уж они не обнаружат в твоей квартире никаких материалов по тому следствию годичной давности, то...

Граев вновь кивнул, хоть окончание фразы так и не прозвучало. Катя, на беду, всё и всегда очень хорошо понимала. Слишком хорошо. Даже то, о чем лучше бы оставаться в неведении. Но такая уж уродилась – понятливая... Умеющая логично мыслить.

А логика сложившейся ситуации – с точки зрения их противников – проста: где еще могут храниться результаты расследования частного сыскаря, крутившегося в опасной близости от тайн псевдорастениеводов? У его нанимательницы, разумеется. И она вследствие этого автоматически попадает в список подлежащих отстрелу – на почетное второе место.

– Тогда почему мы здесь сидим? Чего ждем? – спросила обреченная на отстрел нанимательница.

– Фора есть... Небольшая, но есть. Работают профи, и они не начнут суету со стрельбой без какой-то, хотя бы самой минимальной, подготовки. Эта ночь пройдет спокойно, уверен. А вот за следующую ручаться уже не стану. Значит, за день нужно сделать все возможное. В каком состоянии у тебя сейчас в «Орионе» служба безопасности?

– Граев... Ты бы хоть звонил иногда... «Ориона» больше нет. И его службы безопасности тоже нет. Перед тобой сидит вольная как птица рантье... Не знаю уж, есть ли у этого слова женский род, но всё обстоит именно так.

Ему показалось, что слова «вольная как птица» прозвучали с легким нажимом. С неким завуалированным намеком... А может, и вправду показалось. В любом случае, в квартире Катя была одна. И никаких следов постоянно здесь живущего мужчины наметанный взгляд Граева не заметил.

– Ладно, попробуем выкрутиться своими силами, – мрачно сказал он.

Граев не стал добавлять, что выкручиваться ему придется одному... Но Катя, тем не менее, способна оказать бесценную помощь, – уехать и увезти с собой Ксюшу.

– Ты голоден?

Он на секунду задумался, и с удивлением понял: голода нет как нет. Хотя последней трапезой стал завтрак... Похоже, лишние килограммы уйдут очень быстро.

– Спасибо, сыт... Водка есть?

Она воззрилась изумленно.

– Жену у меня убили. Сегодня. Помянуть надо, – сказал Граев бесцветным, без малейшей эмоции, голосом.

Катя молчала, глядя ему в глаза, и Граев понятия не имел, что она может там увидеть. Если глаза и вправду зеркало души – то ничего. Мертвую и безмолвную пустоту... Черную разверстую рану с кровоточащими краями...

– Водки нет... – наконец медленно произнесла Катя. – Есть «Баллантайн»...

– Что-то у тебя, чего нихватишься, ничего нет... – проворчал Граев.

...Предложенным крутобоким бокалом он не воспользовался, взял в серванте стакан, налил до краев, – словно в принесенной бутылке и впрямь была самая плебейская водка, а не благородный, двенадцатилетней выдержки, продукт шотландских винокуров. Осушил – единым духом, без закуски, до дна (Катя лишь макнула губы в виски). Ничего не произнес, вообще. Встал, подошел к диванчику, долго смотрел на спящую дочь. Вернулся к столику, решительно навернул на бутылку винтовую пробку.

Губы у Кати дрогнули, словно что-то хотела сказать или спросить, – но не сказала и не спросила...

...Ни кровати, ни чего-нибудь, способного ее заменить, в гостиной не оказалось. Но Граев решил не переносить куда-либо крепко уснувшую Ксюшу. Не то проснется, раскапризничается, плохо будет спать вторую ночь кряду, – и *работать* завтра ему станет более чем затруднительно. Устроился здесь же, на полу, на принесенном из другой комнаты двуспальном матрасе.

Надо было выспаться, непременно надо было выспаться, – но он лежал, уставившись в темноту широко раскрытыми глазами. Пытался вспомнить Сашу – живую, улыбающуюся. Не получалось. Вспоминалось другое: тело, лежащее на грязной брусчатке, у стены, расписанной всякой похабщиной... Белая блузка, расстегнутая его торопливыми руками... Пробитая пулей чашечка бюстгальтера – особого, с застежкой спереди, бюстгальтера для кормящих матерей...

А потом пришла Катя.

Он не шевельнулся, по-прежнему глядя в никуда. Она опустилась на колени рядом с матрасом, положила руку Граеву на лоб... «Не надо...» – хотел сказать он, и не сказал.

Она заговорила тихо-тихо:

– Я знаю, как это бывает, Паша... Я потеряла и мужа, и сына, потеряла всё... Я думала, что свихнусь одна – тут, в пустой квартире. А может быть, и на самом деле свихнулась... Но стала другой – совершенно точно. Потому что нельзя быть одному в такие моменты... А затем пришел ты, и просто был рядом. Я хочу отдать долг, Паша. Ты можешь сколько угодно строить каменное лицо, говоря об убитой сегодня жене, но я тебя слишком хорошо знаю... Не гони меня, Паша... Мне ничего не надо, я просто должна быть рядом.

Она скользнула под одеяло.

Он чуть-чуть подвинулся. Лежал и думал, что всё повторяется, что всё уже было когда-то: точно так же лежала рядом женщина, и впитывала, забирала переполнявшую его боль... Женщина, ставшая матерью его ребенка. Женщина, убитая сегодня...

Потом он подумал, что ему тоже очень скоро придется убивать, и надо постараться обойтись без ненависти... Он пойдет, и будет убивать просто для того, чтобы такое не повторилось снова... С Катей... С Ксюшей... Ни с кем и никогда.

Потом...

Потом Граев уснул. Хоть ему и казалось, что сомкнуть веки в эту ночь не удастся...

3.

Руслан кружил вокруг Касеево, как кружит волк вокруг овчарни. Причем как волк, уверенный: здесь поджидает засада, и охотники уже вложили в стволы патроны...

Может, его опасения были обычной мнительностью... Но Руслан всегда предпочитал перебдеть.

Касеево не город, засаду втайне разместить трудно, особенно на длительный срок, – значит, у охотников должно быть какое-то прикрытие...

Двухчасовое наблюдение в бинокль подтвердило: да, чужаки в Касеево есть, – бригада рабочих перекрывает крышу на сельском магазине. И Руслану эти труженики пилы и топора сразу не понравились... И то, чем и как они занимались, – тоже не понравилось.

Кровля из оцинкованного железа, которую сдирали якобы работяги, выглядела не совсем новой, но вполне еще приличной. Да и Касеево – деревня большая, людей хватает, никакого сравнения с вымершей Нефедовкой; не верится, что не нашлось здесь своих специалистов по кровельным работам. Однако вот отчего-то наняли бригаду со стороны: возле магазина стоит ГАЗ-фургон с огромной рекламой на боку:

МАКАРЫЧЕВ&компаньоны

строительные и ремонтные работы

Реклама новенькая, сверкает свежей краской... Вполне может быть, что неведомый Макарычев и в самом деле существует, и даже занимается вместе с компаньонами строительными работами, равно как и ремонтными. Но кадры для тех работ подбирает не очень тщательно. Не напрягаются сидящие на крыше рабочие, прямо скажем. Работают по большому счету два человека, а еще трое в основном пейзажами любуются – благо обзор хороший, самая высокая точка в деревне, все Касеево и окрестности как на ладони...

Послушать бы, что творится в эфире... Но увы, прошли те времена, когда Руслан мог без труда воплотить в жизнь подобную идею. Бинокль да собственные глаза – вот и все оставшиеся средства разведки. А старый, по дешевке и без документов купленный мотоцикл, – весь оставшийся транспорт. И личный состав в количестве одной единицы – сам себе командир, сам себе боец.

Работа на крыше магазина меж тем продолжалась – не шатко и не валко, лишь изредка вниз с грохотом падал очередной лист жести. Руслан издали наблюдал за трудовым процессом и обдумывал альтернативный план: пообщаться с кем-нибудь из местных жителей за пределами Касеево, вдали от глаз псевдоработяг. Идея не самая перспективная – можно, допустим, проследить за пейзажином, отправившимся в лес с корзиной; подойти и завести под каким-то предлогом разговор, поинтересоваться: не бывал ли здесь человек с приметам Эскулапа? А пейзажин ответит: не-а, не встречал такого... И что? Подстеречь нового грибника?

Вариант не слишком выигрышный, но никакой другой в голову Руслану не приходил.

Хотя можно, конечно, дождаться темноты, но... Едва ли кто-то отнесется с пониманием к человеку, шляющемуся ночью по дворам, и задающему странные вопросы... Давно известно, что днем люди чувствуют себя куда увереннее и легче идут на контакт.

Пропылил откуда-то лесовоз, остановился у соседнего с магазином здания, украшенного выцветшими буквами «СТОЛОВАЯ». Использовалось сие транспортное средство отнюдь не по прямому назначению, проистекающему из названия. Вместо бревен машина, грубейшим образом нарушая все инструкции и правила эксплуатации, перевозила людей. Восемь чело-

век... Еще трое вылезли из кабины. Все в рабочих спецовках, у некоторых на головах оранжевые каски.

Водитель и один из касковладельцев зашли в столовую, остальные разошлись в разные стороны, причем достаточно энергичным шагом.

Руслан призадумался. Бригада лесорубов из здешнего леспромхоза приехала на обед, надо понимать. И большинство из них местные, коли уж отправились подкрепляться по домам. Причем вырубка, где трудятся мужички, расположена совсем неподалеку, в считанных километрах, – оседлав лесовоз, на дальние расстояния не поездишь, да и невыгодно – час работы такой машины немалых денег стоит... Пожалуй, потолковать с этой бригадой куда перспективнее, чем поджидать в лесу одиноких грибников.

Обитатели крыши магазина, судя по всему, тоже решили заморить червячка. Двое работавших и двое делавших вид спустились, оставив наверху одного дозорного. Однако в столовую «компаньоны» Макарычева не пошли, исчезли в недрах своего фургона, – все, кроме одного. Тот торопливо пошагал по деревне, Руслан следил за ним весьма заинтересованно.

Лжеработяга исчез за высоким дощатым забором одного из домов – высокого, ладного, приметного: конек крыши украшал позеленевший латунный флюгер-петушок, рядом красовалась тарелка спутниковой антенны.

Через пару секунд «компаньон» вновь оказался в поле зрения: поднялся на высокое крыльцо; уверенно, не стучась, зашел внутрь.

Спустя недолгое время дверь опять распахнулась, вышли уже трое мужчин. Прodelали обратный путь, к магазину и к украшенному рекламой ГАЗу, – и скрылись в фургоне.

Последние сомнения рассеялись: засада! Причем охотники явно привлечены втемную, и не представляют, насколько опасная дичь может на них выйти... Ловушка рассчитана на дилетантов, никак не на человека, привыкшего перед каждым шагом хорошенько проверять, нет ли на тропе замаскированных капканов.

Выводы эти Руслан сделал уже на ходу, поспешая к мотоциклу, укрытому поодаль, в густом кустарнике. Следовало перехватить отобедавшую бригаду лесорубов на выезде из Касеево, и аккуратно проследить, куда поедут. Мало радости рыскать в поисках их места работы по всем окрестным просекам.

...Мнение Руслана о последнем оставшемся у него транспортном средстве изменилось самым кардинальным образом, и весьма скоро. Ни брошенный у Канска «четыреста двенадцатый», ни большинство других легковушек не проехали бы по лесной дороге, на которую свернул лесовоз, вновь облепленный седоками. Особенно после недавних дождей. Разве что внедорожник, да и то не всякий, – сейчас этим термином не так редко именуют машины, призванные лишь подчеркнуть некий особый статус владельца, – на хорошем асфальте, разумеется...

Однако старый «Иж-Юпитер» (где-то в долгих жизненных перипетиях утративший свою коляску) весьма бодро пробирался между глубокими колеями, прорытыми колесами лесовозов, не спасовал и перед болотцем – в него превратился пятачок, где явно неоднократно разворачивалась какая-то гусеничная машина, – не то трелевочный трактор, не то что-то еще в том же роде...

Бригада в своем пути на обед и обратно прошла этот участок пути пешком – лесовоз тут скакал козлом, не позволяя усидеть на нем, как птичка на жердочке.

Руслан ожидал, что о приближении к разрабатываемой делянке предупредят звуки, издаваемые двигателями техники и бензопилами, – но ошибся. У бригады продолжался послеобеденный отдых. Адмиральский час. Сиеста.

Техника стояла неподвижно и молча. Лесорубы лежали на травке, смолили сигареты и папиросы, о чем-то переговаривались. Уныло поглядывали на опустошенную поллитровку, валявшуюся рядом среди одноразовых пластиковых стаканчиков, – да уж, на такую компанию

маловата доза. Наверняка употреблять в ходе рабочего дня большие количества не позволяет начальство... И наверняка следит за исполнением указаний.

Ну что же, условия для начала работы идеальные.

Однако ни единого вопроса про человека с приметам Эскулапа подошедший к работягам Руслан не задал. Равно как и не спросил про подозрительных кровельщиков.

Поинтересовался деловито: нельзя ли прикупить прямо здесь, без всяких документов, машину леса? Вопрос вызвал некое оживление у тружеников, – впрочем, достаточно умеренное.

Отчего ж не купить? Легко и просто. По вполне божеской цене – прозвучала цифра, и впрямь не поражающая воображение. Ежели самовывозом – то хоть сейчас накидают полный кузов неделовых хлыстов. А ежели доставка на их транспорте, то обождать придется денек-другой, потому как... В общем, придется. Но тогда, понятное дело, чуть дороже получится.

Руслана подобный вариант не устроил. Машина древесины, годящейся лишь в печку? – тьфу, да зачем ему такая ерунда... Нет, запастись дровами или стройматериалом он в любом случае не собирался, но хотел стать для работяг клиентом денежным и драгоценным, которого жаль потерять, – и на пару не относящихся к делу вопросов которого лучше ответить.

Короче говоря, он конкретизировал задачу: нужна машина первоклассных сосновых бревен. Если цена устроит, то и две. Доставка транспортом продавца, но недалеко, за полсотни километров, – на Черный Ручей.

Руслан понадеялся, что названное им место исключит ненужное любопытство: зачем, мол, незнакомцу потребовалась строительная древесина? В некогда заповедном урочище Черный Ручей совсем недавно началось возведение элитного поселка...

Надежда оправдалась – работяги понимающе покивали. Но не спешили дать согласие и назвать цену: хмыкали, мялись, переглядывались... Затем начали жаловаться на финансовые трудности: дескать, за куб деловой древесины им причитается не много, не мало – полсотни рубликов, вроде бы всё хорошо, живи и радуйся – но паскуды-лесники забирают большую часть тех денег на штрафы. Причем сумма пресловутых штрафов не меняется: хоть ты собери с отработанной делянки все отходы до последней веточки и шишечки, хоть языком вылижи и песочком после посыпь, – а штраф заплати. Или хрен получишь потом разрешение на порубку. А ежели вдруг начальство узнает о намечающемся гешефте – так по карману ударит, что ой-ой-ой, без портков сезон закончат... Не-е-е, им продавать бревна налево, – себе дороже, слишком уж рискованно.

Руслан посочувствовал безденежной лесорубской жизни. Вдохнул и сказал, что попробует найти более рискованных парней.

Ну, зачем так уж сразу... Ежели все проверить аккуратненько, без чужих глаз... С дополнительной надбавкой за риск...

Вожделенная сумма наконец-таки прозвучала.

Руслан понятия не имел: много с него запросили или мало? На всякий случай крякнул, почесал затылок и начал торговаться. Платить он в любом случае не собирался, – но к чему вызывать подозрения излишней уступчивостью?

В конце концов консенсус был достигнут. Руслан тут же сходил к мотоциклу и вернулся с двумя литровыми бутылками водки. Грех не вспрыснуть такую сделку, не по-людски как-то.

И лишь потом началась работа... Не у лесорубов – у Руслана. Вскоре он – в числе прочих местных новостей – узнал: в прошлом месяце в хозяйку дома с петушком-флюгером стрелял какой-то пришлый чужак. Попал в голову, но не сильно... Судя по скупому сообщенным приметам, любящий хвататься за оружие незнакомец вполне мог оказаться Эскулапом.

Выспрашивать дальше Руслан не стал. Лучше обратиться к первоисточнику, к пострадавшей Дарье Парамоновой.

К его удивлению, на водочные бутылки лесорубы поглядывали, как коты на связку свежеспойманной рыбы, – но так и не откупорили. На прямой вопрос ответили, не чинясь: полста грамм в обед – максимум того, что может позволить себе тикировщик или вальщик. Потому как в руках не только свою жизнь держит... Вот зашабашат – другое дело.

...В Касеево Руслана ждал сюрприз. «Компаньоны» Макарычева исчезли. На полуоборванной крыше – никого. ГАЗ-фургон укатил в неизвестном направлении.

Ну и что бы это значило?

Единственный вариант, пришедший Руслану в голову: пока он мотался по просекам, у охотников стряслось нечто экстраординарное. Нечто, потребовавшее стянуть силы на главное направление...

Надо ловить момент, такая экстренная мобилизация может и не затянуться надолго.

...Дарья Парамонова оказалась дома. К тому же одна... Разыгрывать чересчур сложный спектакль перед ней Руслан не стал: соорудил казенную физиономию, небрежно-уверенным жестом продемонстрировал удостоверение – так, чтобы женщина не успела разглядеть толком ни звание, ни должность, ни имя с фамилией. Достал из папки несколько чистых листов бумаги, присел к столу. Сказал, улыбнувшись устало и чуть сочувственно:

– Понимаю, гражданочка Парамонова, что вам уж надоело рассказывать про одно и то же... Но придется. Дело взято на контроль управлением! – он поднял палец многозначительным жестом. – Так что излагайте все с самого начала, и с подробностями.

...Гражданочка Парамонова, не читая, нацарапала внизу последнего листа: «с моих слов записано верно». А Руслан понял лишь одно: что ничего он не понял... Абсолютно ничего. И причиной тому стала не только невнятная дикция женщины – пистолетная пуля попала ей в открытый рот: зацепила язык, выбила два зуба, и вышла наружу, пройдя через щеку... (Уехавшие час назад люди, по словам Дарьи, были операми в штатском, – и якобы охраняли ее на случай повторного визита отморозка.)

Странность в другом...

Эскулапа совершенно не заинтересовали живущие в Касеево потомки старухи Ольховской – стрелять в рот людям, которыми интересуешься, как-то не очень логично... Полное впечатление, что приехал он сюда с единственной целью: украсть висевшую на стене старую икону.

Икону, доставшуюся Евстолии Парамоновой (в девичестве Ольховской) в наследство от бабушки... От Бабоньки-Ольховской.

И Руслан заподозрил, что наследство состояло не только лишь в намалеванном на старой доске лике святого.

Глава пятая. Недобитая лженаука генетика

По тому, как были разбросаны вещи, видно было, что хозяева убежали второпах и не смогли унести с собой все пожитки.

1.

Местность здесь была, что называется, весьма пересеченная: осиновые и ольховые рощицы перемежались с полянками и густыми зарослями кустарника. Канавы, воронки – заплывшие, оставшиеся с давней войны, овражки, по которым весной сбегала талая вода к речке Кузьминке.

На одной из самых укромных полянок стоял деревянный православный крест – слегка потемневший от непогоды, но вполне еще крепкий. Рядом сидел человек – высокий, плечистый. Граев.

Сидел и ждал подполковника Мельничука. Если слова сумбурного СМС-сообщения и в самом деле складывались во фразу: «В полдень, где нашли лысого», – то Мельничук имел в виду именно это место. И, коли уж не конкретизировал дату, полдень именно завтрашнего субботнего дня. Вернее, теперь уже сегодняшнего.

Других лысых, найденных совместно с подполковником за все годы их знакомства, Граев не припомнил. Лишь одного – Михаила Колыванова, человека-зверя, чей странный и страшный жизненный путь оборвался именно здесь, на отмеченной крестом полянке. Перед смертью, в ходе обратной трансформации в человека, Колыванов полностью утратил волосяной покров, – не только с головы, но и со всего тела...

...Нынешней весной Граеву вновь довелось побывать на этой пустоши – вызвал тревожным звонком старик, тот самый, что прикончил оборотня выстрелом из старой двустволки. Старику показалось, что все началось сначала. По счастью, он ошибся, – в окрестностях Александровской объявилась стая самых заурядных одичавших собак. Семь или восемь беспородных шавок невеликих размеров – но среди них незнамо как затесался огромный, с теленка размером, метис ньюфаундленда. Следы его-то клыков на останках задранной и сожранной козы старик и посчитал за оставленные ликантропом...

Ту стаю они перестреляли самой обычной, свинцовой картечью, прикончили и вожака-метиса... А через неделю старик умер. Как рассказала Граеву соседка, на глазах у которой все произошло, умер быстро, и, хочется надеяться, безболезненно: сидел за столом, говорил с ней о чем-то, – и вдруг захрипел, упал со стула... Скорая приехала к остывающему трупу.

...Хруст и треск Граев услышал издалека, кто-то шумно ломился в сторону полянки сквозь заросли могучего, выше человеческого роста, борщевика. Через минуту стало ясно: пресловутый «кто-то» пройдет стороной. Либо случайный прохожий (хотя откуда тут быть случайным прохожим?), либо Мельничук – сбившийся с дороги.

Граев негромко свистнул. Вскоре подполковник – это и в самом деле оказался он – вышел на полянку.

– Привет! – буднично сказал Граев. – Заплутал?

– Немного... Вроде год назад не росло здесь этой пакости... – Мельничук кивнул на поломанные трубчатые стебли, толщиной не уступавшие молодым деревьям.

– Борщевик... – пожал плечами Граев. – По слухам, его к нам завезли лет двадцать назад – на полях выращивать, на силос для скота. Самая, дескать, быстрорастущая из трав... Как оказалось, не только на полях растущая, вон как всё вокруг заполонил...

Он замолчал, ожидая, когда же Мельничук перейдет к главному – к тому, из-за чего затеяна эта встреча.

Подполковник, однако, не спешил переходить к серьезному разговору. Граев спросил – без особого интереса, для поддержания беседы:

– Ты и в самом деле охотой увлекся? Или так, для конспирации?

Ружье, патронташ, охотничий костюм, – честно говоря, паршивая маскировка за неделю до открытия охоты. Тем более здесь, в примыкающем к городу заказнике, где стрельба запрещена в любое время года.

– Э-э-э... – махнул рукой Мельничук, усаживаясь на траву рядом с Граевым. – Какая, к чертям, охота с такой службой. Лет уж десять как не выбирался. А сюда шел – не поверишь, Граев – кого только не видел! Утки на Кузьминке... Потом две куропатки чуть не из-под ног выпорхнули... Зайца даже вспугнул. Едва удержался, чтобы не пальнуть в ушастого. Патроны больно уж старые, побоялся, что ружье не выдержит.

Граев кивнул. В охоте он разбирался неплохо, и знал: патроны, снаряженные бездымным порохом, долго хранить нельзя – что-то там испаряется из нитропороха, какой-то компонент, препятствующий чересчур быстрому его горению. И детонация в самом деле может разнести ружье...

– Ты меня позвал, чтобы рассказать про здешнее изобилие зайцев? – спросил Граев.

– Вот-вот... – кивнул Мельничук. – Зайцев тут пруд пруди. И один из них – ты, Граев. Причем охота на тебя началась по полной программе.

– Я заметил.

– Не знаю уж, что ты там заметил... Но если сегодня ближе к вечеру подойдешь к любому стенду «Их разыскивает милиция», то сможешь полюбоваться на свой портрет. И почитать про свои приметы.

– Чем же я прогневил родную-то милицию?

– Двойное убийство. Жены и случайного свидетеля.

– А-а-а... Понятно. А вот если я сейчас возьму да и явлюсь с повинной? Да хоть бы тебе и здесь? Отдаюсь, мол, товарищ подполковник, в руки правосудия! Потому что, уверен, если в прошлом этого «случайного свидетеля» покопаться, – пять-шесть «мокрых» эпизодов точно отыщутся. Сдамся – и что тогда?

– Тогда, Граев, день, много два, я продержу тебя в своем ИВС. Дольше не смогу, отправлюсь в СИЗО. А поскольку мент ты всего лишь бывший, – сядешь там в общую камеру, на общих основаниях. Дальше рассказывать?

Граев мотнул головой. И без того ясно: шепнут кому надо, и в одну далеко не прекрасную ночь заточка воткнется Граеву в ухо, или в иное место, – нахождение в котором острых металлических предметов никак не совместимо с жизнью.

– Ты ведь недаром назначил это место для встречи... – задумчиво сказал Граев. – Что бы я понял, даже если не смогу прийти, откуда ветер дует... Правильно?

– Если ты такой понятливый, то отчего задаешь дурные вопросы?

– Я риторически. Можешь не отвечать. Так, дедуцирую...

– Ну-ну... Дедуцируй, Пуаро...

– Да уж почти закончил...

Дальнейший ход своих мыслей Граев не стал озвучивать, но картинка получилась примерно такая: тогда, год назад, в ходе следствия по делу об исчезновении, а затем и гибели Колыванова, Мельничук подвергся сильному давлению со стороны кого-то из высших чинов ГУВД. Надо понимать, сейчас, в деле Граева, все повторилось, в ход пошел все тот же рычаг давления, – и подполковник сделал соответствующие выводы.

Граев давно и хорошо знал Мельничука, и понимал: мочиться против ветра, тем более против ураганного, тот не станет. И без того, отправляясь на сегодняшнюю «охоту», рисковал слишком многим.

– Что предлагаешь? – спросил он у подполковника напрямую.

Мельничук вздохнул.

– Смываться тебе надо, Паша. И лучше бы за бугор. Смываться и ложиться на дно.

– И пролежать там, на дне, всю оставшуюся жизнь? Знаешь, кстати, загадочку: на дне лежит, усами шевелит?

– Сом? – предположил Мельничук без особого интереса.

Граев покачал головой.

– Рак?

– Не угадал.

– Тогда не знаю...

– Василий Иванович Чапаев. А с ним на пару, вместо Петьки, теперь Павел Иванович Граев. Без усов, правда.

– Люблю твое чувство юмора. Особенно в таких ситуациях... А усы отпусти – вроде ерунда, но зрительное восприятие лица меняют сильно... Хотя кому я рассказываю...

– Валера, я все понимаю: погода хорошая, мы год не виделись, отчего бы и не посидеть, не потрепаться. Анекдоты отчего бы не потравить... Но давай к делу, а?

Мельничук, тем не менее, к делу переходить не спешил... Сидел, задумчиво ковырял в зубах сорванной травинкой, вздыхал, поглядывал на собеседника, – как показалось Граеву, несколько оценивающе поглядывал. Граев решил облегчить подполковнику задачу, медленно заговорил сам:

– Ты прекрасно знаешь, что на дно, тем более за бугром, я не лягу. Документов нет, денег нет, чтобы *чисто* уйти... Почти все, что было, в Швейцарии пролечил. Да и не привык я как-то прятаться, опыта нет... Что смерть Саши я никому не спущу и не прощу, ты тоже знаешь. А поскольку все, что ты сообщил, мог сообщить и без личной встречи, то... Короче говоря, доставай-ка из-за пазухи свою папку.

Мельничук удивился было, затем проследил направление граевского взгляда, хмыкнул... Охотничий костюм стал несколько тесноват подполковнику, располневшему за последние годы, одна пуговица расстегнулась, – и Граев углядел-таки между камуфляжем и тельняшкой уголок пластиковой папки-конверта.

...Папка содержала в себе несколько десятков – никак не больше сотни – листов. В руки Граеву отдать ее подполковник не спешил, и сквозь пластик можно было разглядеть лишь верхний лист: судя по внешнему виду, некий официальный документ, распечатанный на принтере.

– Примерно половина здесь, – пояснил Мельничук, – рукописные излияния одного молодого человека, ныне покойного. Полтора года назад на адрес Чайковского, дом тридцать², пришел ба-а-альшой такой конверт, а в нем – роман. Ну, сам знаешь, как оно бывает...

Граев кивнул. Знал. Самому чего только читать не доводилось: и про живущих за стенкой инопланетян, и про агентов «Моссад», подмешивающих в водку радиоактивные изотопы, и про вылезающих по ночам из-под кровати страшных русских фашистов... Однако даже такая ерунда вылеживает в архиве три года, прежде чем отправиться в бумагорезку.

– Но этот молодой человек, – продолжал подполковник, – от прочих романистов отличался-таки. Я сюда пару-тройку документиков положил, ознакомься, – суровый был выюнош, можно сказать – отмороженный. По самые по уши отмороженный. И над романом его поразмыслить стоит, причем именно тебе.

² В доме номер тридцать по улице Чайковского в Санкт-Петербурге расположено Главное Управление МВД РФ по Северо-Западному Федеральному округу.

– А вторая половина?

– Там кое-что по литерному делу, над которым оэробэшники из четвертого отдела полгода работали. *Впустую работали...*

Он вновь замолчал.

Грев понял. Или ему показалось, что понял.

– Ты хочешь сказать, – медленно начал он, – что эту literку прихлопнул тот же хрен в больших погонах, что и...

Мельничук перебил:

– Все, что я хотел сказать, – сказал. Гораздо больше, чем имел право сказать. Вопросов не надо. И намеков не надо.

Подполковник тяжело поднялся на ноги, проворчал, массируя бедро:

– Черт, сам не заметил, как отсидел... А бумажки эти... Ну, Граев, ты сам не маленький, чего уж объяснять...

– Прочитаю. Сожгу. Пепел размешаю в водке и выпью, – с каменным лицом пообещал Граев.

– Смешно. Ну, пойду я, пожалуй... Ты тут посиди еще минут десять, и выбирайся куда-нибудь туда... или туда... – Мельничук широким жестом очертил изрядный сектор от северо-запада до востока.

Граев тоже встал, пожал протянутую руку. Благодарить за принесенные материалы не стал, – не надо быть Вангой-провидицей, чтобы понять: у подполковника свой интерес, чем-то ему весьма мешает тот самый «хрен в больших погонах».

Мельничук вновь с хрустом вломился в заросли борщевика, и почти исчез в них, потом вдруг обернулся и сказал:

– Ты, Паша... Это... Постарайся живым остаться.

– Спасибо, Валера. Бог даст, свидимся.

Подполковник ушел, а Граев, выполняя его просьбу, не стал спешить – вновь уселся на траву, бегло просмотрел содержимое папки. И рукопись, и документы, – не в оригиналах, ксерокопии. Причем Мельничук перед копированием кое-что густо замазал черным маркером: фамилии некоторых сотрудников ГУВД, агентурные псевдонимы «источников», номера дел...

Грохнувший неподалеку выстрел заставил вздрогнуть. Но, похоже, это подполковник Мельничук всего лишь спугнул очередного из многочисленных здешних зайцев... И не удержался-таки.

2.

Руслан всегда отличался чутким сном, а в последнее время у него выработалась привычка тотчас же просыпаться от любого постороннего звука, пусть бы и едва слышимого. Просыпаться и хвататься за пистолет.

Он мгновенно перешел от сна к бодрствованию и сейчас – хотя спросонья не понял ни характера разбудившего звука, ни направления, откуда он донесся... Но рука тут же скользнула под подушку. Вернее, под сложенный старый ватник, ее заменявший. Пальцы сомкнулись на рубчатой рукояти.

Тьма полная, абсолютная, всматриваться бесполезно...

Звук повторился – протяжный скрип. Достаточно громкий – а может быть, лишь показался таким напряженно вслушивающемуся Руслану.

Теперь можно было определить и направление: от противоположной стены, вернее, от врезанного в нее небольшого окошка... Руслан бесшумно сдвинул флажок предохранителя, направил ствол в ту сторону. И ждал, что произойдет дальше.

Не происходило ничего.

Ну и что там скрипело? Открываемая рама? Ерунда, окна в их хибарке примитивнейшие, и распахнуть их никакой возможности нет... Даже форточки не открываются – за полным отсутствием таковых. Разве что...

Он сел – осторожно-осторожно – ожидая, что сейчас раздастся предательский скрип растянутой сетки кровати. Она, конечно же, скрипнула, – но едва слышно. Руслан замер. От дальней стены не доносилось ничего. Из-за перегородки слышалось шумное дыхание Ростовцева.

Ложная тревога? Звуки издавало остывающее дерево, нагретое за день?

Глаза постепенно привыкали к темноте, и Руслан уже мог различить прямоугольник окошка на другой, ближней стене: не то чтобы более светлый, скорее чуть менее темный...

А того окна, от которого донесся подозрительный звук, Руслан не видел... Он соскользнул с кровати – сетка вновь предательски скрипнула – неслышно сместился в сторону, вытянув руку с пистолетом и отчаянно сожалея об отсутствии прибора ночного видения.

Теперь понятно, что его разбудило: кто-то тихо и аккуратно подцепил раму гвоздодером или монтировкой, – и выставил. Но совсем бесшумно не получилось.

Затем Руслан *увидел* и второе окно, – кто-то, только что перекрывавший снаружи оконный проем, теперь отодвинулся, отошел совершенно неслышно...

Подхватив ватник, служивший ему подушкой, Руслан двинулся к двери, осторожно, не лязгнув, отодвинул засов – с неприятным чувством, что именно этого от него ожидают. Постарался сыграть неожиданно: присел на корточки чуть в стороне от двери, резко толкнул ее. Тут же швырнул ватник наружу, вправо, – а сам низом, перекатом, метнулся влево.

Выстрелы не прозвучали. Никто, купившись на обманку, не открыл огонь по безвинному ватнику. Никто, разгадав нехитрый трюк, не попытался всадить пулю в Руслана. Тишина.

Он тотчас же, вторым перекатом, ушел за угол дома, поднялся на ноги. Напряженно всматривался в ночь... И, кажется, кое-что разглядел.

Два пятна, светящихся в темноте, – совсем рядом друг от друга. Что за чертовщина... Неужели...

И тут прозвучал смех. Станный. Страшный. Нелюдской.

Руслан медленно поднял пистолет, направил на светящиеся пятна... Рука подрагивала – он удивился, и разозлился сам на себя.

– Нехорошо... Русланчик... Кто же так... старых друзей... встречает...

Голос, произнесший эти слова, принадлежал кому угодно, только не человеку... И глотка заговорившего существа привыкла издавать совсем иные звуки... Но Руслан уже догадался, чей черный массивный силуэт темнеет там, среди поросли молодых рябинок.

– Эскулап?.. – спросил он полуутвердительно.

– Не рад, гляжу... но ты меня искал... а кто ищет, тот найдет... или того найдут...

После каждого слова раздавалось неприятное зубное клацанье, но Руслан не обращал внимания... Сказать, что он был ошарашен, – ничего не сказать. Он никогда не принимал всерьез пьяные рассуждения Эскулапа о том, что мозг ликантропа по потенциальным возможностям не уступает человеческому. Что безмозглые твари, убивающие все живое, способное послужить пищей, – сродни младенцу, не осознающему пока, что творит. Что любой вервольф в идеале может обрести разум и способность сознательно управлять своими превращениями...

Руслан, имевший достаточно дела с кровожадными мохнатыми бестиями, не верил выкладкам Эскулапа. Считал их заумными теориями – изящными, но бессмысленными.

Теперь наглядное подтверждение тех теорий сидело неподалеку – ликантроп, каким-то чудом сохранивший разум и способность к речи...

– Как вам это удалось? – спросил Руслан, опуская пистолет.

– Рискнул, Русланчик... рискнул и выиграл... – проклацал оборотень.

– В иконе старухи Ольховской было спрятано какое-то зелье? Снадобье, которое за тридцать лет так и не смогла создать Лаборатория?

– Ты всегда был... догадливым мальчиком...

Ликантроп, бывший когда-то Эскулапом, засмеялся – если жуткие, звериной глоткой издаваемые звуки можно было назвать смехом.

– Значит, вы можете... ну, обратно...

– Рад бы... но не могу... Одного лишь... старого зелья мало... Нужно что-то еще... Что – не знаю... Может... генетическая... предрасположенность... Может... Не знаю...

– Но тогда зачем?! – изумление Руслана было абсолютно искренним. – Зачем – на себе?

– Выхода... не было... или сдохнуть... или жить... вот так жить...

Вот оно что...

Руслан вспомнил свою последнюю встречу с Эскулапом – в Логове, два месяца назад, сразу после побега Ростовцева. Вспомнил, что Эскулап показался тогда постаревшим, – как-то внезапно и резко... И, пожалуй, больным, – хотя за все годы их знакомства ничем не болел. Ни разу... А этот его знаменитый «эликсир здоровья», он же «эликсир жизни»? Эскулап пил много, пил, практически не стесняясь начальства. Принимал собственноручно приготовленную на спиртовой основе смесь с регулярностью лекарства. Что, если...

Закончить мысль Руслан не успел. Оборотень заговорил снова:

– И у тебя... Русланчик... нет выхода... или сдохнешь, или... станешь, как я...

– Пятьдесят второй штамм? Некоторые испытуемые прожили несколько лет после его приема...

– Не мечтай... Ты ведь всегда... был реалистом...

Как бы ни выглядел сейчас Эскулап, мыслил он по-прежнему здраво. И озвучил то, что Руслану не хотелось признавать даже наедине с собой: без наблюдения знающих специалистов, без регулярного введения сложного комплекса препаратов на годы жизни рассчитывать нечего. Отмеренный ему срок гораздо короче...

– Вы можете чем-то помочь? Мне и Ростовцеву? Больше нам рассчитывать не на кого.

– Я все сказал, Руслан... Осталось три дозы... Тебе... Ростовцеву... и вашей женщине... Другого выхода нет... Я устал, Русланчик... Устал быть... единственным... Новый вид... хомо ликантропус... и всего одна особь... беспорядок... Терять тебе нечего... кроме быстрой смерти... ты знаешь, что есть смерть?... И я не знаю... И не хочу... узнать... А получишь свободу... от всего... и долгую жизнь...

– А Наташа? Ей-то зачем?

– Не смейся... вид должен размножаться... чтобы выжить... Я много лет... возился с вервольфами... хочу поставить эксперимент... последний... Станешь Адамом... новой расы...

Оборотень замолчал. Похоже, его гортань изрядно устала от непривычной работы – последние слова звучали все более неразборчиво.

Руслан тоже молчал, размышляя. Не о предложении Эскулапа... О другом. О том, хватит ли Наташе решимости пустить в ход свой пистолет – два последних патрона в обойме снаряжены спецпулями с серебряной начинкой... Или хватит ли решимости Ростовцеву – если Наташа введет ему ударную дозу антидота, и Андрей на короткое время вновь почувствует себя человеком...

О себе Руслан не думал. Адамом новой расы он не станет. Значит, умрет. Человеком.

Шагнув назад, и еще раз, и еще... Хотя прекрасно понимал, что пара лишних метров – ничто для оборотня, для его стремительного прыжка-полета... Ладно, даже эта мохнатая смерть не убивает мгновенно... Четыре первых, обычных патрона он успеет расстрелять. Должен успеть... А следующие станут смертельными для вервольфа. Правда, Руслану это ничем не поможет. Аргентизация прикончит мутировавший организм ликантропа тоже далеко не мгновенно...

Эскулап в нынешней своей ипостаси видел во тьме куда лучше, чем кошка. И прекрасно разглядел, как поднимается пистолет.

– Не глупи... Сам знаешь... меня сейчас...

Грохнул выстрел. Вспышка на миг разорвала мглу. При свете второй Руслан увидел несущуюся к нему мохнатую тушу.

Он нажимал на спуск, когда страшный толчок в грудь сбил с ног. Нажимал и позже, упав, когда клыки полоснули по горлу... Нажимал, чувствуя, как дергается в руке пистолет, – хотя не чувствовал больше ничего, даже боли, и не видел ничего, – лишь багровый туман, клубящийся перед глазами... Потом пистолет замолчал, а туман стал гуще, и из него прозвучал ласковый женский голос: «Алеша, Алешенька...», Руслана много лет никто не называл так... «Мама...» – прошептал он, а может быть, лишь попытался прошептать...

3.

Граеву доводилось видеть такие дома – в Грозном, вскоре после того, как его заняли федеральные войска во время первой чеченской... И в кадрах старой кинохроники доводилось видеть – там, где на экране возникали руины Сталинграда, или Берлина, или любого другого из многочисленных разрушенных войной городов.

Однако данный конкретный дом располагался не в Сталинграде. И не в Берлине. И даже не в Грозном... В центре Санкт-Петербурга – а на улицах этого города никогда не грохотали ни подковы вражеской конницы, ни гусеницы вражеских танков, что бы там ни говорили злопыхатели о «сердце Империи, размещенном под кончиком ногтя»...

В здание Лаборатории генетического анализа можно было теперь войти относительно беспрепятственно, – стоило лишь перелезть через временный забор из не струганных досок, или отыскать в том заборе лазейку: две доски, висящие на одних только верхних гвоздях. Лазейка эта возникла четверть часа назад стараниями Граева, а забор, похоже, установили несколько дней назад, – доски свежие, пахучие, совсем не успевшие потемнеть от непогоды. Впрочем, неизбежные в подобных случаях граффити уже начали появляться: два нарисованных черной краской лозунга призывали бить хачей и жрать буржуев, а некий вооруженный аэрозольным баллончиком индивид изобразил гипертрофированный половой орган, и заодно (сделав две орфографических ошибки), поведал миру, какая все-таки сука Маринка и что с ней надлежит делать всем нормальным мужикам...

Внутри, за забором, никаких препятствий для входа в здание не обнаружилось, – массивная броневая дверь, преградившая путь Граеву в прошлый визит сюда, исчезла. Впрочем, даже оставаясь она на месте, сей факт мало бы что изменил – окна зияли пустыми провалами: исчезли и решетки, и стекла, и рамы.

Он бродил по пустынным гулким помещениям с какой-то иррациональной надеждой: вдруг съехавшие «растениеводы» позабыли что-то важное, оставили какой-то малозаметный след, который позволит отыскать их новую берлогу... Ничего, конечно же, не нашлось. Такое случается только в голливудских боевиках – и только у не слишком одаренных сценаристов, не знающих, каким еще способом вбросить герою необходимую информацию.

Здесь же поработали люди, не привыкшие оставлять за собой следов...

Кое-что понять было можно: вот тут, на первом этаже, например, стояло какое-то массивное оборудование, весящее не одну тонну – судя по монолитному бетонному постаменту, уходящему сквозь пол куда-то в подвал... А вот тут в стену был вмурован сейф – хорошо вмурован, на совесть, судя по тому, как раздолбали старый кирпич, чтобы его извлечь... Но какое именно оборудование, и какие именно документы лежали в том сейфе – не понять. Если, естественно, ты не телепат-медиум.

Тем не менее Граев, привыкший доводить любое дело до конца, осмотрел все помещения, ни одного не пропустив. Ничего... Забрали все, вплоть до сантехнической и электрической

фурнитуры – на стенах нет ни выключателей, ни розеток, в бывшем туалете из стены сиротливо торчат водопроводные трубы, из пола – оголовки фановых...

Для постороннего наблюдателя картина невинная: здание старое, давно пора ему на капитальный ремонт, – и арендовавшую организацию попросили съехать. Она и съехала, не чинясь. Все вполне благопристойно – если не знать, что напоследок арендаторы решили провести акцию по устранению людей, некогда совавших нос в их дела... Хотя нет, конечно же, официальный арендатор – Всероссийский институт растениеводства – тут не при чем.

Граев подошел к раскуроченной стене – к той самой, что скрывала, по его разумению, сейф. Мощные штыри, уходящие в кирпич, явно срезаны пилой-болгаркой. Причем распилы ярко блестят – совсем свежие, совершенно не успели окислиться. Полное впечатление, что эвакуация проводилась пару дней назад. Совсем чуть-чуть не успел Граев сесть на хвост пере-ежающим лже-генетикам.

Однако в минувшую неделю было не до работы...

Сначала проводил в Белоруссию Катю с Ксюшей, и не абы как, но чтобы никто не смог легко и просто проследить их путь... Родители Саши, живущие в Могилеве, присмотрят за внучкой, а вот Катя... Нет никакой уверенности, что она выполнит полученные от Граева инструкции: отправляться в заграничное турне, благо денег хватает и есть загранпаспорт с несколькими действующими визами, отправляться и не задерживаться надолго в какой-либо стране... Она и в Белоруссию-то поехала с большой неохотой. Как бы не вернулась... Странные понятия у этой женщины о том, что надлежит делать в критических ситуациях.

Затем Граев занялся обустройством нынешней своей нелегальной жизни. Задействовав старые знакомства, раздобыл паспорт, способный выдержать и беглую проверку на улице, и даже «пробивку» по милицеским базам данных. Снял жилье: однокомнатную квартиру в городе и домик в Тярлево, – скорее даже не дом, а переоборудованную под жилье времянку; не Бог весть какие хоромы, но в качестве запасного аэродрома сгодятся. Обзавелся двумя насквозь нелегальными стволами, а заодно и тачкой – неприязательной пятидверной «Нивой». Свой же приобретенный в рассрочку «лексус», засвеченный теперь во всех милицеских ориентировках, Граев не стал продавать на запчасти людям, не интересующимся документами, – поставил в примыкавший к тярлевской халупе сарайчик, гордо именуемый «гаражом». Пожалел, честно говоря...

Денежная заначка изрядно уменьшилась, а теперь вот выяснилось, – пока он экипировался и обеспечивал тылы для схватки с «растениеводами», те взяли да и отчалили в неизвестном направлении. И, надо понимать, свернули охоту на Граева... Зачем? Тем же самым сейчас с куда большим размахом занимается весь правоохранительный аппарат.

Ниточка, с которой Граев собрался начать разматывать клубок – здание Лаборатории на Петроградской стороне – оборвана. И теперь остается лишь одна слабенькая зацепка – полученная от подполковника Мельничука папка. Шансов мало, но вдруг да найдется там что-то, позволяющее вычислить нынешнее местоположение «генетиков»...

ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ – I³

1.

Секретно

п. 82 пр. 200 дсп

Экз. единственный

Оперативная установка

В городе Санкт-Петербурге по адресу Руднева, д. 18 квартира 61, проживает гражданин Осовский Сергей Викторович 04.05.1972 г.р. урож. Ленинграда

Проведенной проверкой по данному адресу установлено, что семья Осовских занимает трехкомнатную квартиру в 12 этажном доме, дверь в подъезд оборудована металлической дверью с кодовым замком, код 412.

Дверь в квартиру так же оборудована металлической дверью со смотровым глазком.

По данному адресу проверяемый проживает совместно с матерью Осовской Еленой Степановной и отцом Осовским Виктором Сергеевичем.

Проверяемый проживает в данном адресе с рождения.

В адресе проверки проверяемый ведет не привлекающий внимания образ жизни. Однако со слов источников довольно часто приходит домой в не трезвом состоянии, тем не менее, при этом ведет себя тихо и общественный порядок не нарушает.

О месте работы фигуранта источники не осведомлены. Однако предполагают, что она связана с длительными, до нескольких месяцев, командировками. В последние три или четыре недели, по мнению источников, фигурант находится в очередной командировке.

Взаимоотношения, в семье проверяемого носят спокойный, уважительный характер. Однако случаются ссоры на почве того, что Осовский С.В. приходит домой в не трезвом состоянии. Как известно источникам мать пыталась неоднократно лечить сына от алкогольной зависимости, тем не менее, результатов это не принесло.

Тем не менее, ссор и скандалов, выходящих за пределы квартиры источники не отмечают. Родители фигуранта производят впечатление благополучных, порядочных людей. Источники сообщают, что «главой» семьи является отец семьи.

Посторонние лица адрес проверки посещают периодически. Посетителей источники считают знакомыми лиц, проживающих в адресе проверки, но их установочными данными источники не располагают. В квартире посетители ведут себя тихо и внимания окружающих к себе не привлекают.

Какими либо сведениями о причастности фигуранта к противоправной деятельности источники не располагают.

Материальное положение проверяемого источники оценивают на высоком уровне. По предположению источников, основной доход в семью приносит отец семейства, место работы которого источникам не известно.

Оперуполномоченный по ОВД

3 отдела ОРБ ГУ МВД России по

Северо-Западному ФО

³ Орфография и пунктуация документов оставлены без изменений, исправлены лишь явные опечатки. Фамилии, агентурные псевдонимы, даты и номера дел, зачеркнутые подполковником Мельничуком, заменены звездочками.

*капитан милиции ******
«16» декабря 2000 г.

2.

Секретно
*Экз. № ***
*Аг. «*****»*
*Л.д. ******
*Принял: ******
Место: з/о, исключающее возможность записи
*Дата: ******

Агентурная записка № ***

Источник сообщил, что от лица находившегося в ИВС Петродворцового района ему стало известно следующее: числа 15 или 16 августа 2000 г. в ИВС была доставлена Голубкина Анна. Которая в разговоре пояснила, что во время нахождения в ИВС она узнала мужчину находящегося в соседней камере как Осовцева Сергея по прозвищу «Оса». При этом она рассказала, что ей известно, что Осовцев «с 92 г. ездит по войнушкам и полным отморозом стал» (приведено дословно). Так же Голубкина сказала, что «три года назад Оса спалил ларек вместе с чуркой-продавцом, задулил фосфорную гранату прямо в окошко» (приведено дословно). Подробностей источнику не известно. Источник дополнил, что Голубкина Анна содержалась в ИВС за судом, по обвинению по ст. 111 ч. 1 УК РФ, получила условный срок и была выпущена из ИВС.

Задание: не давалось

Справка: информация по ОД 060-00, по сообщению проходит: Голубкина Анна – не установлена.

Мероприятия: через ИВС Петродворцового района установить личность и место жительства Голубкиной Анны. Рассмотреть вопрос о возможности проведения разведывательного опроса Голубкиной А., с учетом не расшифровки источника. Сообщить о полученной информации в СК при МВД России с целью рассмотреть вопрос о возможности производства допроса Голубкиной.

Оперуполномоченный по ОВД
3 отдела ОРБ ГУ МВД России
по Северо-Западному ФО
*капитан милиции ******

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.